

Религиозная организация –
Духовная образовательная организация высшего образования
«Владимирская Свято-Феофановская духовная семинария
города Владимира Владимирской Епархии
Русской Православной Церкви»

Кафедра церковно-исторических и церковно-практических дисциплин

УСПЕНСКИЙ ХРАМ СЕЛА МОШОК
В ГОДЫ ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ (1917 – 1990)

Выпускная квалификационная работа
студента V курса бакалавриата ВДС
Ганьжина Виталия Геннадьевича, протоиерея

Работа завершена:

" ___ " _____ 2021 г. _____ (Ганьжин В.Г., протоиерей)

Работа допущена к защите:

Научный руководитель

" ___ " _____ 2021 г. _____ (к.б. Сидоров А.А., иерей)

Заведующий кафедрой

" ___ " _____ 2021 г. _____ (к.и.н. Макарова Д.Ю.)

Проректор по научно-богословской работе

" ___ " _____ 2021 г. _____ (к.ю.н. Абрамов А.Е.)

Владимир 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. УСПЕНСКИЙ ХРАМ СЕЛА МОШОК К НАЧАЛУ ГОНЕНИЙ (1917)	13
ГЛАВА II. АНТИЦЕРКОВНЫЕ МЕРЫ, ПРИНИМАЕМЫЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ В РАМКАХ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫХ КАМПАНИЙ	17
2.1. Политика конфискации: изъятие церковных ценностей (1922)	17
2.2. Коллективизация: судебные преследования клириков и мирян (1929)	30
2.3. Индустриализация: изъятие колоколов (1935)	33
2.4. «Большой террор» (1937 – 1938)	35
2.4.1. Репрессии против духовенства и прихожан (1937)	35
2.4.2. Закрытие храма (1938)	39
ГЛАВА III. ДУХОВЕНСТВО СЕЛА МОШОК (1918 – 1938)	44
3.1. Священники	44
3.2. Диаконы	55
3.3. Псаломщики	56
ГЛАВА IV. СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВАСИЛИЙ АМЕНИЦКИЙ, ПРЕСВИТЕР († 20 АВГУСТА 1937) – УРОЖЕНЕЦ СЕЛА МОШОК ...	57
ГЛАВА V. КОНСЕРВАЦИЯ ХРАМА КАК ПАМЯТНИКА «КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ» (1977 – 1986)	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	82
ПРИЛОЖЕНИЯ	96
А. Официальное письмо административного отдела Владимирского губисполкома в Президиум губернского исполнительного комитета от 21 ноября 1924 года	96
Б. Выписка из протокола заседания Президиума Владимирского губернского исполнительного комитета от 2 декабря 1924 года	98
В. Село Мошок. Церковь Успения. Отчёт о проведённых работах по консервации памятника (1977 – 1986)	99

ВВЕДЕНИЕ

То, что история отдельно взятого православного прихода обладает научно-познавательной ценностью, представители духовных и светских властей России осознали ещё во второй половине XIX столетия. В 1866 году Святейший Синод циркулярно разослал всем епархиальным архиереям указ с предписанием завести при всех храмах церковные летописи. Этот указ поступил и во Владимирскую духовную консисторию. Но та, признав в своём официальном заключении, что вести летописи полезно, решила, что в первую очередь следует учредить особую комиссию и дать ей поручение составить подробную инструкцию, как вести такие летописи. Видимо, этим дело и ограничилось, поскольку и сам указ Синода, и заключение Владимирской духовной консистории были напечатаны в официальной части «Владимирских епархиальных ведомостей» под рубрикой «Правительственные распоряжения» лишь в марте 1868 года [68, с. 56].

А «Церковно-историческая летопись Успенской церкви села Мошка, Судогодского уезда», составленная священником мошокского храма Алексеем Андреевичем Аменицким, была опубликована во «Владимирских епархиальных ведомостях» в 1883 году. «Летопись» печатали из номера в номер с апреля по сентябрь этого года [68, с. 56]. Благодаря работе отца Алексея Аменицкого можно составить представление о положении Успенского храма в конце XIX века.

В XX столетии исторические сведения об Успенском храме села Мошок целенаправленно не собирались и не фиксировались. В настоящее время появилась возможность восполнить этот пробел и осветить историю Успенского храма села Мошок в период богоборческих гонений на Церковь (1917 – 1918). Выбор темы определён неослабевающим интересом, который прихожане Успенского храма проявляют к его сравнительно недавней истории.

Актуальность же выбранной темы обуславливается следующими факторами. Во-первых, осознанным намерением увековечить память тех священнослужителей и благочестивых мирян, которые в годы богоборческих гонений хранили православную веру и сыновнюю преданность Церкви Христовой. Во-вторых, необходимостью систематического сбора подготовительных материалов для написания всеобъемлющей истории Владимирской епархии в 1917 – 1990 годы.

В качестве объекта исследования выступает Успенский храм села Мошок Судогодского уезда / района Владимирской губернии / области. В период, когда Владимирской губернии не существовало (с 1929-го по 1944-й год) село Мошок Судогодского района находилось на территории Ивановской промышленной области.

Предметом исследования служит история Успенского храма в период богоборческих гонений на Церковь (1917 – 1990). Заметим, что в последние годы светские исследователи церковной истории всё чаще, говоря о периоде с 1918-го по 1990-й годы, употребляют выражение «отношения (или взаимоотношения) Церкви и государства» [105; 110; 112]. Это выражение превратилось уже в устойчивое терминологическое сочетание. Но мы для характеристики указанного исторического периода используем традиционно принятое в церковной среде слово «гонение». Социальная дискриминация духовенства, конфискация всего церковного имущества в пользу государства, дискредитация верующих в печати, разорительные фискальные меры (то есть непосильное налогообложение приходов, лишённых всякой собственности и не имеющих хозяйства), массовое закрытие храмов по инспирированным властями поводам, инсценированные открытые судебные процессы над священниками и прихожанами по сфабрикованным следственным делам и, наконец, бессудное физическое уничтожение или многолетняя изоляция духовенства и преданных Церкви мирян в лагерях – всё это не подходит под определение «взаимоотношений». Это не что иное, как последовательное и

целенаправленное уничтожение Церкви и верующих, которых атеистическая власть считала своими идейными противниками. Конечно, с точки зрения светской историографии, этот процесс можно назвать «политикой государства по отношению к Церкви». Но при таком подходе для исследователя, даже сочувствующего Церкви, на передний план выходит всё же политическая история государства. Если же смотреть с церковно-исторической позиции, то словом «гонения», при его терминологической неопределённости, суть процесса определяется, на наш взгляд, исчерпывающе.

Нижней границей периода гонений на Церковь при советской власти принято считать 1918 год, поскольку 23-го января этого года был издан «Декрет об отделении Церкви от государства и школы от церкви» [112]. А верхней границей – 1990 год, когда был принят закон «О свободе совести и религиозных организациях», в соответствии с которым приходы получали статус юридического лица. Хронологические рамки настоящей работы охватывают период с 26 октября (8 ноября) 1917 года (в этот день принят «Декрет о земле», положивший начало конфискации церковной собственности) по 25 октября 1990 года (в этот день был вновь образован приход Успенского храма села Мошок [68, с. 129]). Стоит, однако, отметить, что за указанные хронологические рамки выходит содержание первой главы настоящей работы, где характеризуется положение храма к концу XIX века, а также третьей и четвертой глав, в которых приводятся биографические сведения о духовенстве и причетниках Успенского храма, родившихся до 1917 года.

Показателем степени изученности темы служит наличие работ, посвящённых истории Успенского храма в указанный период. Таких работ немного.

Краткие сведения о храме и его служителях, восходящие к устным воспоминаниям местных жителей, содержатся в книге: Судогодское

благочиние. История приходов и храмов / авторы-составители протоиерей Георгий (Морохин), Н. В. Белицина. – Судогда, Москва: Издание Свято-Екатерининского собора Владимирской епархии 2004. 127, XVI с. [105]. Приведённые в этой книге данные о храме села Мошок в советский период размещены также на интернет-сайте «Православие на земле Судогодской» [98].

Статья А. Л. Ершова «О закрытии храма в селе Мошок Судогодского района» [79, с. 49 – 55], последовательно рассказывает о судьбе храма в период с 1919-го по 1980-й год и содержит ценные в научно-историческом отношении сведения. При её написании автор использовал и ввёл в научный оборот материалы из Государственных архивов Владимирской и Ивановской областей, а также статьи из владимирского журнала «Наше хозяйство» за 1923 и 1929 годы.

Выпущенная во Владимире в 2016 году книга Д. В. Кантова «Свято-Успенский храм села Мошок: исторический очерк» [68] представляет собой популярное издание, рассчитанное на широкого читателя. Поэтому в ней отсутствуют библиографические ссылки на источники информации. Однако книга снабжена подробнейшим перечнем всех, использованных автором источников и литературы, а также списком клириков и причетников Успенского храма с начала XIX столетия до настоящего времени и алфавитным указателем имён. Эти справочные материалы способны оказать существенную помощь в исследовательской работе. Безусловная ценность книги и в том, что автор впервые частично вводит в научный оборот документы 1977 – 1986 годов о консервации храма как памятника культовой архитектуры.

В двухтомнике: «Боль и память: Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области» / Сост. Семёнов А. И. и др. Т. 1. – Владимир: Фолиант, 2001. 524 с. Т. 2. – Владимир, 2003. 511 с. – содержатся данные о лицах, репрессированных в годы советской власти. Сведения о

подвергшихся репрессиям жителях и уроженцах села Мошок, предварительно выбранные из этой книги и объединённые в единый алфавитный список, представлены на интернет-сайте «Народный архив Российской Империи» [116]. Однако, как уже отмечалось исследователями, если у большинства представителей духовенства в книге «Боль и память» указан сан, то личности мирян, пострадавших за веру, установить не представляется возможным. У них, как правило, указано лишь социально-профессиональное положение, например: крестьянин, колхозник, бухгалтер [105].

Отдельные (и, как правило, дублирующие друг друга) сведения о духовенстве Успенского храма размещены на различных интернет-сайтах: в Базе данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века» [96; 100; 102], на сайте «Православие на земле Судогодской» [99], на официальном сайте Комиссии по канонизации святых Владимирской епархии [111], на сайте «Подвиг веры. Новомученики и исповедники Александровской епархии» [115] и других.

Можно сказать, что изучение темы находится на начальном этапе.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы рассмотреть историю Успенского храма в широком контексте гонений на Русскую Православную Церковь 1917 – 1990 годов.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие учебно-исследовательские задачи:

- охарактеризовать положение Успенского храма к 1917 году;
- проследить принятие специфически антицерковных мер в рамках проводимых властями общегосударственных кампаний (конфискации имущества, всеобщей коллективизации, индустриализации, «Большого террора»);

– выявить особенности проведения указанных кампаний применительно к Успенскому храму;

– систематизировать уже имеющиеся и вновь обнаруженные биографические данные о духовенстве Успенского храма;

– ввести в научный оборот и интерпретировать архивные материалы о священнике мошокского храма А. В. Барашкове, обнаруженные в Государственном архиве Владимирской области монахиней Сергией (Каламкаровой), насельницей Александровского Успенского женского монастыря Александровской епархии РПЦ;

– составить уточнённое и дополненное жизнеописание родившегося в селе Мошок священномученика Василия Аменицкого, пресвитера († 20 августа 1937) с учётом вновь установленных биографических сведений;

– проанализировать имеющиеся материалы о проведённых в 1977 – 1986 годах работах по консервации здания Успенского храма как памятника церковного зодчества.

Новизна настоящей работы определяется тем, что впервые:

– антицерковные меры, принимаемые властями в период гонений, рассматриваются в рамках общегосударственных кампаний;

– предпринимается попытка на примере Успенского храма выявить местную специфику в практике применения указанных антицерковных мер;

– вводятся в научный оборот архивные документы, ранее не использовавшиеся исследователями;

– существенно уточняются и дополняются имеющиеся сведения о духовенстве Успенского храма.

Научно-практическая значимость настоящей работы заключается в том, что содержащиеся в ней наблюдения и выводы могут быть использованы при подготовке более масштабных исследовательских работ по истории Владимирской епархии в период гонений на Церковь. Помимо того, намеренно составленное в ораторско-проповедническом стиле

жизнеописание священномученика Василия Аменицкого может быть использовано для чтения за богослужением в день молитвенной памяти этого святого.

Для подготовки настоящей работы были привлечены самые разные источники. Не публиковавшиеся прежде материалы Государственного архива Владимирской области, а также уже опубликованные источники, среди которых можно выделить: журнал «Владимирские епархиальные ведомости» (за период 1884 – 1912); законодательные и нормативные акты, а также отчётные документы центральных и местных органов государственной власти.

Среди литературы, использованной при написании работы, необходимо отметить появившиеся недавно и посвящённые государственной антирелигиозной политике периода гонений на Церковь монографии светских историков В. С. Батченко и И. А. Курляндского. Особого внимания заслуживают опубликованные в последние годы диссертационные исследования А. Л. Ершова, О. В. Калюжной и Ю. В. Кутергиной. В этих работах различные аспекты антирелигиозной политики властей рассматриваются исключительно в территориальных рамках Владимирского края. Мы использовали также изданные в конце 1990-х – начале 2000-х годов книги Д. В. Поспеловского, а также протоиерея В. А. Цыпина и протодиакона В. С. Степанова (Русака). Хотя, по мнению некоторых исследователей, для работ протоиерея В. А. Цыпина и протодиакона В. С. Степанова «характерны тотальная критика и одностороннее освещение преступлений власти против Церкви» [110], они, на наш взгляд, не утратили своего научного значения. А присущая авторам публицистическая эмоциональность тона, как мы считаем, ничуть не мешает им сохранять объективность. В настоящей работе учтены также наблюдения и выводы, сделанные авторами церковно-исторических статей, опубликованных уже в XXI веке в научных журналах и сборниках. Эти статьи посвящены в частности: изъятию в 1922 году церковных

ценностей во Владимирской (Н. А. Личак) и Оренбургской (И. В. Никитин) губерниях; восстановлению «лишенцев», в том числе православного духовенства, в избирательных правах (Ю. А. Русина); деятельности митрополита Сергия (Страгородского) в 1921 – 1926 годах (Д. В. Сафонов) и другим вопросам, имеющим отношение к специфике настоящей работы. Используются в работе и материалы изданных в период 1990 – 2018 годов сборников документов: Акты Святейшего Тихона [88], Конфессиональная политика советского государства [92], Следственное дело патриарха Тихона [95]. Привлечены также сведения из биографического справочника «За Христа пострадавшие в земле Владимирской» [88], Ковровского исторического сборника [91] и других сборников. Некоторые материалы взяты с электронных ресурсов удалённого доступа, поскольку в настоящее время в информационной сети интернет опубликованы цифровые версии многих серьёзных научно-исторических книг, альманахов, тематических сборников, журналов и авторефератов диссертационных исследований.

Основным методологическим принципом настоящей работы служит принцип историзма, согласно которому события и явления рассматриваются в хронологической последовательности и с учётом характерных для изучаемого периода исторических условий. В процессе исследования использовался сравнительный метод, который помог выявить в истории Успенского храма села Мошок как общие процессы и явления, присущие практически всем православным храмам рассматриваемого периода, так специфические черты, отличающие именно Успенский храм. Применялись также методы источниковедческого и причинно-следственного анализа, а также общенаучные методы индукции и дедукции.

Структура работы продиктована её целью и задачами. Работа включает в себя введение, пять глав (вторая и третья главы разделены на параграфы), заключение, список использованных источников и литературы, три приложения.

Во введении обоснован выбор темы, подтверждена её актуальность, указаны объект и предмет исследования, установлены хронологические рамки, сформулированы цель и задачи работы, определены её научная новизна и научно-практическая значимость, охарактеризованы источники, литература и методологические принципы.

В первой главе охарактеризовано положение Успенского храма к 1917 году.

Во второй главе прослеживается принятие властями специфически антицерковных мер в рамках общегосударственных кампаний (конфискации имущества, коллективизации, индустриализации, «Большого террора») и выявляются особенности проведения указанных кампаний применительно к Успенскому храму.

В третьей главе систематизированы биографические данные о духовенстве Успенского храма, вводятся в научный оборот и интерпретируются архивные материалы о священнике храма Алексее Барашкове.

В четвёртой главе представлено уточнённое и дополненное жизнеописание родившегося в селе Мошок священномученика Василия Аменицкого, пресвитера († 20 августа 1937), составленное с учётом вновь установленных биографических сведений о святом.

В пятой главе анализируются материалы о проведённых в 1977 – 1986 годах работах по консервации здания Успенского храма как памятника церковного зодчества.

В заключении формулируются основные выводы, сделанные в ходе работы.

Работа содержит три приложения. В первых двух приведены архивные материалы о священнике А. В. Барашкове. В третьем воспроизведён «Отчёт о проведённых работах по консервации памятника» (1977 – 1986), составленный Владимирской специальной экспериментальной научно-

реставрационной производственной мастерской по окончании указанных работ в Успенском храме села Мошок.

ГЛАВА I. УСПЕНСКИЙ ХРАМ СЕЛА МОШОК К НАЧАЛУ ГОНЕНИЙ (1917)

Успенский храм села Мошок, построенный в 1802 – 1815 году на средства прихожан [61, с. 329], был к 1918 году одним из более чем тысячи приходских храмов Владимирской епархии, которую до революционных событий называли «самой церковной» [66, с. 3]. Он был построен из кирпича [61, с. 330] и представлял собою, строго говоря, два соединённых друг с другом храма: летний (холодный) и зимний (тёплый, отапливаемый) [68, с. 13]. В летнем храме был престол в честь Успения Богородицы, а в зимнем – два престола: один во имя Казанской иконы Божией Матери, другой во имя апостола Иоанна Богослова [61, с. 329]. Храмом по традиции называли исключительно летний храм, а зимний именовали «тёплыми приделами» или «трапезной» [61, с. 329].

В летнем храме был пятирусный иконостас [61, с. 331 – 332], а в зимнем – два одноярусных [61, с. 363, 367]. Святых икон, включая и установленные в иконостасах, в обоих храмах насчитывалось более ста [61, с. 331 – 332, 336, 367 – 370]. Особо почитаемыми были храмовые иконы: образ Успения Пресвятой Богородицы «в ризе медно-посеребрённой, с позолоченными венцами» [61, с. 331] и Казанский образ Божией Матери, принесённый, согласно устному преданию, из Казани в XVI веке [61, с. 363]. Он был украшен серебряной позолоченною ризой, которая весила 3 фунта 364 золотника (1,364 кг). Надглавный венец иконы был украшен самоцветами и серебряной короной с драгоценными камнями. По свидетельству «Церковно-приходской летописи», от этого образа получали «чудодейственную помощь, исцеление от недугов и болезней» все, «с верою и теплою молитвою обращающиеся к Госпоже и Царице Небесной пред этой святою иконою Ея» [61, с. 364].

При описании церковной утвари, которой, благодаря усердию жертвователей (в основном прихожан) храм был обеспечен достаточно,

«Церковно-приходская летопись» особо выделяет следующие предметы богослужебного назначения. Четыре напрестольных Евангелия. Одно из них (1873 года) было с обеих сторон обложено серебряными позолоченными досками, на верхней стороне помещались финифтяные изображения, окружённые стразами, на нижней – образ Рождества Христова, украшенный двадцатью разноцветными камнями [61, с. 394]. У второго Евангелия (1883 года) серебряная позолоченная чеканная обложка была только на верхней доске [61, с. 393]. Третье Евангелие, напечатанное в 1605 – 1606 годах в Москве, было, согласно аргументированному мнению исследователей, так называемым «Евангелием Радишевского» – известным памятником русского книгопечатания XVII столетия [68, с. 73 – 76]. Четвёртое Евангелие было напечатано при патриархе Московском и всея Руси Иосифе в 1640-х – начале 50-х годов [61, с. 394].

В Успенском храме было четыре серебряных напрестольных креста. Первый (1733 года) весил 1 фунт 79 $\frac{1}{2}$ золотников (0,456 кг), второй (1841 года) – 1 фунт 9 золотников (также 0,493 кг), третий – 220 $\frac{3}{4}$ золотника (0,944 кг). О весе четвёртого, пожертвованного храму в 1884 году, сведений не имеется [68, с. 76].

В храме было три комплекта евхаристических сосудов. Все – сделаны из серебра 84 пробы и вызолочены. Их общий вес составлял 7,5 фунтов (4,093 кг). Имелись также две серебряных дарохранительницы общим весом 4 фунта 63 золотника (2,901 кг) и серебряное же кадило весом в 195 золотников (0,838 кг).

То есть суммарный вес находившихся в Успенском храме села Мошок богослужебных принадлежностей, которые впоследствии будут, согласно распоряжениям властей, названы «изъёмлемыми ценными предметами» [95, с. 852] не мог составлять более тринадцати-пятнадцати килограммов.

Одно паникадило, висевшее в холодном храме, и два – в тёплом [61, с. 332, 370] были изготовлены из меди, а две выносные хоругви – из бронзы [61, с. 333].

Внутренние стены летнего храма и его алтарная часть были покрыты росписью. Выполненные масляной краской священные изображения сделал крестьянин-живописец из села Боголюбова Иван Шорохов [61, с. 332 – 333; 68, с. 71 – 72].

С тёплым храмом была соединена построенная одновременно с ним звонница [61, с. 371]. На ней висело семь колоколов [68, с. 73]. Самый большой из них, так называемый «благовестник», весил 314 пудов 20 фунтов (5 тонн 152 кг) [61, с. 371].

Мошок был торговым селом: ежегодно в нём проводилось шесть ярмарок. Две из них – Казанская и Богословская приходились на дни престольных праздников Успенского храма. Остальные четыре – Мироносицкая, Троицкая, Петропавловская и Ильинская – на дни православных церковных праздников [61, с. 371]. Поскольку в собственности храма находились торговые деревянные лавки и базарные весы, построенные за церковный счёт, храм получал за них арендную плату от арендаторов. Кроме того, приехавшие на ярмарку посещали храм и вносили добровольные пожертвования в его пользу [61, с. 396].

При храме было 99 десятин (107,9 га) земли (из принятого тогда расчёта по 33 десятины на каждого члена церковного причта), в том числе две десятины усадебной, 90 десятин пахотной, и семь десятин неудобной. Были у храма и сенокосные угодья – 3 десятины 112 сажень (3,32 га) в пустоши Кусково, расположенной в шести верстах от Мошка. Помимо того, храму принадлежала и находившаяся в пяти верстах от села пустошь Жегалово – 135 десятин и 1680 сажень (148,26 га) земли, на которой 5 десятин (около 5,5 га) соснового и елового леса, употребляемого на дрова и ремонт дворовых построек. Пустошь Жегалово причт Успенского храма сдавал в

аренду. Причт получал также проценты с вкладов, положенных в банк «на вечное поминовение родителей вкладчиков». Но основные средства прихода складывались от воздаяния за духовные требы, заказные панихиды и молебны [61, с. 396 – 397]. А один из благодетелей храма пожертвовал на «вечное поминовение своих родителей» в пользу причта Успенского храма 59 десятин (64,3 га) земли около деревни Новой. Эту землю причт сдавал крестьянам в арендное содержание [61, с. 487].

К приходу Успенского храма относилось восемнадцать соседствующих с Мошком деревень Судогодского уезда: Баркино, Берёзово, Горячево, Дятлово, Игнатьево, Карево, Колодники, Колычёво, Кубаево, Лантрево, Маньково, Мостищи, Новая, Озяблицы, Пивоварово, Пищальниково, Поздняково, Поросятёво [48, с. 232; 61, с. 481 – 489]. В настоящее время из названных деревень существуют всего десять: Баркино, Горячево, Игнатьево, Карево, Колычёво, Мостищи, Новая, Озяблицы, Пивоварово и Пищальниково. Все они расположены на территории Судогодского района [68, с. 83].

Численность населения Мошка в 1905 году составляла 855 человек [118].

В начале XX столетия приход Успенского храма не считался достаточно обеспеченным: он относился к числу малоодоходных приходов Владимирской епархии, нуждавшихся в назначении казённого жалования на содержание причта [68, с. 95].

Причт Успенского храма был двухштатным, то есть состоял из двух священников (настоятеля и его помощника), диакона и двух псаломщиков. В 1918 году в Успенском храме служили священник Николай Астреин [14, с. 108], священник Алексей Барашков [6, с. 11] и диакон Василий Берстнев [99; 111]. Подробнее о каждом из них рассказывается в третьей главе настоящей работы.

ГЛАВА II. АНТИЦЕРКОВНЫЕ МЕРЫ, ПРИНИМАЕМЫЕ В РАМКАХ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫХ КАМПАНИЙ

2.1. Политика конфискации: изъятие церковных ценностей (1922)

В результате октябрьского государственного переворота 1917 года к власти в России пришла экстремистская группировка, одержимая идеями радикального реформирования общества. В число этих идей входили отмена частной собственности и конфискация имущества, принадлежавшего так называемым «эксплуататорам»: помещикам, капиталистам, духовенству.

Большинство декретов, принятых новой властью в 1917 – 1918 годах носили открыто конфискационный характер. Первым в их ряду был «Декрет о земле», согласно которому все сельскохозяйственные земли, включая церковные и монастырские, переходили в руки государства. Поскольку эти земли, вместе с рабочим скотом, сельскохозяйственными орудиями и усадебными постройками, поступали в распоряжение земельных комитетов, историк Церкви А. В. Карташев, современник революционных событий, назвал декрет «Декретом о земельных комитетах» [68, с. 104, 203].

В результате проведения этого декрета в жизнь Успенский храм села Мошок официально лишался всех своих пахотных и сенокосных земель и лесных угодий, занимавших общую площадь в 296 десятин 1742 сажени (примерно 323, 4 га). Если доверять церковно-приходской летописи, которая, характеризует эту землю как «недоброкачественную», «песчано-каменистую» и отмечает, что в случае сдачи её в аренду, «в год доходу от неё можно получить не более 150 <рублей> серебром» [61, с. 397], то приход, надо полагать, избавился от обременительной и малоприбыльной собственности. Тем более что основной доход причт получал за счёт «доброхотных пожертвований» от прихожан и богомольцев, посещающих

храм в дни сельских ярмарок [61, с. 396], а также от воздаяния за «требоисправления, поминовения родителей и молебные пения» [61, с. 397].

13-го января 1918 года был опубликован проект декрета «О свободе совести, о церкви и религиозных объединениях». Как отметил историк Ричард Пайпс, «название декрета умышленно вводило в заблуждение для того, чтобы прикрыть либеральной терминологией истинные тоталитарные намерения авторов этого документа» [78, с. 77, сноска 17]. А 5-го февраля того же года был обнародован окончательный текст декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», в котором говорилось: «Никакие церкви и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церквей и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной властью в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ» [74, с. 30; 67, с. 179].

Этот декрет полностью лежал в русле проводимой большевиками конфискационной политики. Другие, принятые в 1918 году декреты («Об отмене частной собственности на недвижимость в городах», «Об отмене права пользоваться сбережениями», «О национализации крупнейших предприятий», «Об отмене права наследования») целенаправленно лишали всех граждан страны права собственности.

Духовенство села Мошок также лишилось возможности получать проценты с тех денежных вкладов, которые были сделаны жертвователями в пользу церковного причта «на вечное поминовение родителей вкладчиков» [61, с. 397]. Поскольку принятая властями 24-го августа 1918 года инструкция «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении Церкви от государства”» предписывала изъять неприкосновенные капиталы местных причтов. Та же инструкция давала указание «незамедлительно» отобрать

церковные земли у религиозных обществ там, где они ещё не отобраны [95, с. 830, 834].

Следует отметить, что конфискация церковных имуществ была теоретически обоснована В. И. Лениным ещё до того, как большевики пришли к власти. В 1905 году во Франции был принят закон об отделении Церкви от государства Согласно его положениям, имущество, полученное ранее Церковью от государства, отбиралось в казну [72, с. 48], однако собственно церковное движимое и недвижимое имущество юридически зарегистрированные религиозные общества получали в полную собственность [72, с. 208]. В особый разряд было выделено имущество, пожертвованное Церкви: по закону оно возвращалась жертвователям, – в случае, если те заявят на него права и окажутся в состоянии доказать их [72, с. 207]. Кроме того, при передаче государству жилых зданий, принадлежавших Церкви, закон устанавливал, что прежние владельцы могут безвозмездно пользоваться ими ещё в течение пяти лет, а духовенству, получавшему жалование из казны, назначались пенсии [72, с.47].

Очевидно, именно принятие этого закона и побудило В. И. Ленина, возглавлявшего тогда ещё не государство, а всего лишь партию политических эмигрантов, выступить в 28-м номере петербургской газеты «Новая жизнь» за 1905 год со статьей «Социализм и религия». В этой статье намечалась программа более строгого отделения Церкви от государства, чем это имело место во Франции. Ленину и тогда, и позже законодательство западных стран казалось непоследовательным, не доводящим демократическую идею до логического завершения [93, с. 30]. Примечательно, что именно в этой статье впервые появилась формулировка, позднее почти без изменений включённая как в декрет «Об отделении Церкви от государства», так и во все советские конституции: «Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т.е. быть атеистом (безбожником)» [93, с.

376]. Но самыми потенциально опасными для Русской Церкви были два тезиса статьи, оппонирующие приведённым выше нормам французского закона. Первый – об имущественном положении Церкви: «Не должно быть <...> никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам». Второй – о необходимости борьбы с Церковью (правда, пока ещё только на страницах печати): «Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием – нашей прессой, нашим словом» [93, с. 376]. На деле же эта умеренная антиклерикальная программа впоследствии обернулось для монастырей и храмов разграблением, а для духовенства и благочестивых мирян – изгнанием, узами и страданиями «даже до крове».

Как известно, восьмой отдел Наркомата юстиции, ответственный за реализацию декрета об отделении Церкви от государства, назывался «ликвидационным» [72, с. 49]. Судя по этому названию, Церковь планировалось уничтожить.

Однако к конфискации церковных ценностей большевики приступили не сразу. Сначала, в феврале 1919 года, они объявили кампанию по вскрытию мощей. Как считают современные исследователи, эта кампания была начата не только с намерением дискредитировать Церковь, показав, что «нетлением» мощи не обладают. У большевиков была и другая цель: планируя в дальнейшем изъять из храмов и монастырей церковные ценности, в том числе и серебряные раки для мощей, большевики решили избавиться от останков святых [67, с. 193 – 194]. Вполне вероятно, что кампания по вскрытию мощей была лишь прологом к кампании по изъятию церковных ценностей.

В 1921 году Россию постигло великое общенародное бедствие – голод, поразивший в первую очередь Поволжье. У Православной Российской Церкви был большой опыт сбора пожертвований в пользу голодающих: Такие сборы организовывались ею и в 1873 – 74 годах, во время голода в

Самарской губернии, и в 1891 – 92 годах, когда голодали жители Черноземья и Среднего Поволжья [58, с. 32]. Церковь и на сей раз откликнулась незамедлительно. Святейший Патриарх Тихон обратился в августе 1921 года с воззванием о помощи к православно верующим соотечественникам и главам зарубежных христианских церквей и основал Помгол – Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. Но большевики, опасаясь, видимо, растущего влияния Церкви, 27-го августа 1921 года упразднили Помгол, а средства, собранные Церковью, забрали в государственную казну. В декабре 1921 года был принят декрет «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях». Он запрещал местным властям производить какую-либо продажу церковного имущества или передачу его верующим [95, с. 849]. Церковные ценности, таким образом, брались под контроль. Тогда же власти предложили Святейшему Патриарху призвать духовенство и прихожан жертвовать храмовое имущество в пользу голодающих. Большевики, по всей вероятности, уже в конце 1921 года рассчитывали под предлогом помощи голодающим произвести полное изъятие церковных ценностей или, как это называют светские историки, «окончательную ликвидацию церковной собственности» [80, с.79]. Но первоначально планировали сделать это руками Церкви, представить конфискацию имущества как его добровольную сдачу. Святитель Тихон, надо полагать, разгадал намерения властей. 6-го февраля 1922 года он обратился к приходским советам и общинам верующих с воззванием, в котором дозволил жертвовать на нужды голодающих лишь драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления. К ним относились бытовые ценности: кольца, браслеты, цепочки, ожерелья, которыми прихожане в знак благодарности за явленные им знамения милости Божией украшали святые иконы [88, с. 188 – 190; 95, с. 849 – 850]. Большевиков это не устроило и 16-го февраля 1922 года они приняли, а 23-го февраля обнародовали декрет «Об изъятии церковных ценностей для реализации на

помощь голодающим». Декрет предписывал властям на местах в месячный срок изъять из церковного имущества, переданного в пользование верующим, все ценные предметы из золота, серебра и драгоценных камней. В декрете, правда, оговаривалось, что конфискации подлежат предметы, «изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа», но перечень предметов, не подлежащих изъятию, не приводился. Декрет требовал также проводить изъятие обязательно в присутствии «представителей групп верующих». [95, с. 850, с. 79; 113]. В день публикации декрета была утверждена и особая «Инструкция о порядке изъятия церковных ценностей». В ней говорилось, что «представители групп верующих имеют право вносить в протокол свои замечания и возражения по поводу передачи в пользу голодающих предметов, без коих отправление богослужения является невозможным, и замены их другими менее ценными» [95, с. 852; 109, с. 79]. Это положение декрета было истолковано в том смысле, что верующие могут взамен оставляемых в храмах богослужебных предметов сдать реквизиторам свои личные бытовые ценности. Это была плата за право пользоваться церковным имуществом, которое юридически принадлежало государству, своего рода «налог на веру», по выражению митрополита Сергия (Страгородского; будущего Патриарха) [66, с. 22].

Откликаясь на декрет об изъятии церковных ценностей, Патриарх Тихон 28-го февраля 1922 года выпустил воззвание к духовенству и верующим, в котором, вновь призвав верных чад Церкви жертвовать из храмов неосвященные и не имеющие богослужебного употребления предметы, не одобрил и назвал святотатством изъятие богослужебных сосудов. При этом Патриарх ссылаясь на церковные каноны (семьдесят третье Апостольское правило и десятое правило Двукратного Вселенского Собора), которые запрещали употребление евхаристических сосудов для мирских целей под угрозой отлучения от Церкви для мирян и извержения из сана для священнослужителей [88, с. 190; 97].

Теперь уже установлено, что большевики не планировали использовать конфискованные ценности для помощи голодающим. Судя по относящейся к началу марта 1922 года деловой переписке главы советского правительства В. И. Ленина с народным комиссаром (министром) внешней торговли Л. Б. Красиным, церковные ценности предполагалось вывезти за границу и продать [112] чтобы пополнить казну валютой [80, с.79].

12-го марта 1922 года советский военный министр Л. Д. Троцкий отправляет в политбюро большевистской партии секретную записку с предложением поддержать «советскую» часть духовенства, то есть ту, «которая выскажется за изъятие и поможет изъятию» [112, с.79]. Эту «часть попов» Троцкий даже согласен был временно ввести в состав созданной большевиками правительственной комиссии помощи голодающим (она, как и распущенный властями церковный комитет, носила название «Помгол»). Введение духовенства в большевистский Помгол должно было, по словам Троцкого, «устранить какие бы то ни было подозрения и сомнения насчёт того, что будто бы изъятые из церквей ценности расходуются не на нужды голодающих» [112].

А 13-го марта Троцкий пишет другую записку, на этот раз Ленину. В ней он доводит до сведения вождя, что «из церквей не изъято практически ничего», что комиссия по изъятию «ни разу не собралась», что, пользуясь «растяпанностью» большевиков «патриарх выпустил контрреволюционное воззвание с ссылками на постановления соборов». Троцкий требовал произвести конфискацию церковных ценностей примерно к 27 марта – дню начала XI съезда компартии большевиков. Троцкий был уверен и убеждал Ленина: «Если в Москве пройдёт хорошо, – то в провинции вопрос решится сам собой» [112].

Но действия комиссий по изъятию встречают массовое сопротивление верующих, ставших на защиту храмового имущества. Прихожане останавливают изъятие ценностей из Воскресенского собора в Старой Руссе.

В Петрограде реквизиторов просто не пускают в Казанский и Троицкий соборы, а защитников Спасского храма на Сенной площади разгоняет кавалерийский отряд [113]. В Калуге рабочие, взволнованные изъятием церковных ценностей, объявляют трёхдневную забастовку [97].

Во Владимире комиссия по изъятию церковных ценностей дважды приходила в Успенский кафедральный собор, но так и не сумела начать работу. 14-го марта 1922 года члены комиссии испугались «возбуждённой толпы» прихожан и сочли за лучшее покинуть собор. А 15-го марта комиссия, на этот раз пришедшая в собор под охраной милиции, обнаружила, что прихожане не только толпятся в соборе, но и окружают его снаружи. Когда в тот же день члены комиссии снова явились в собор, то им просто не дали ключей. Поэтому милиция двери собора опечатала, а комиссия свою деятельность временно приостановила [112].

Наибольшей известностью пользуются события, произошедшие во время изъятия церковных ценностей в городе Шуе Иваново-Вознесенской губернии. Там 15-го марта 1922 года, услышав набатный звон, возле Воскресенского храма собрались несколько тысяч верующих, которые пытались помешать изъятию и даже разоружили часть красноармейцев. Войска открыли по толпе огонь из пулемётов и винтовок. Несколько человек было убито, десятки ранены. В городе забастовали две фабрики [83, с. 128; 97; 113].

Узнав о событиях в Шуре, Ленин 19-го марта 1922 года отправил членам партийного политбюро широко известное теперь секретное письмо, в котором требовал «провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления». «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, – писал Ленин, – тем лучше» [83, с. 126]. В тот же день во все губернские и областные партийные комитеты была отправлена шифрованная

секретная телеграмма. В ней предписывалось приостановить кампанию по изъятию церковных ценностей и «сосредоточить в этом деле все силы на подготовительно-разъяснительной агитационной работе», дожидаясь особой директивы центрального комитета партии, которая будет выслана 20-го марта 1922 года [83, с. 126]. Директиву разработал Троцкий. Проведение кампании ужесточалось. Наряду с официальными комиссиями помощи голодающим создавались секретные комиссии по изъятию с привлечением военных. Войска приводились в полную боевую готовность. Духовенство, открыто выступающее за изъятие, бралось под защиту государственной власти. Представителей духовенства, пользующихся авторитетом, Троцкий предлагал «по возможности не трогать до конца кампании», но негласно сделать им под расписку через органы политического надзора официальное предупреждение, «что в случае каких либо эксцессов они ответят первыми». Устанавливались кратчайшие сроки изъятия. Ранее допускавшаяся замена церковных предметов драгоценными металлами теперь не разрешалась [97; 113].

Город Шуя, с точки зрения церковного деления на административно-территориальные единицы, входил тогда в состав Иваново-Вознесенского викариатства Владимирской епархии, которую возглавлял митрополит Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский). В марте 1921 года митрополит Сергей жил в Нижнем Новгороде, куда был отправлен властями, хотя официально высылке не подвергался [85, с. 276].

Занимавший тогда Нижегородскую кафедру епископ Евдоким (Мещерский), один из будущих лидеров обновленческого раскола, ещё до объявления кампании по изъятию церковных ценностей, а именно 11-го февраля 1922 года, опубликовал в газете «Нижегородская коммуна» послание к своей пастве. Обращаясь к верующим, он взывал: «И если бы потребовалось принести на алтарь любви к ближнему и то, что представляет для вас святыню – церковное имущество, несите его...» Воззвание Евдокима

было частично перепечатано в центральной партийной газете «Правда» [92, с. 304 – 305].

21-го марта 1922 года митрополит Сергей выпустил воззвание к викариям, духовенству и всей православной пастве Владимирской епархии [85, с. 276]. И 24-го марта оно было напечатано в шестьдесят восьмом номере упомянутой выше газете «Нижегородская коммуна». В начале воззвания митрополит Сергей, сообщает, что находится вдали от своей епархии и не может своевременно откликнуться на все нужды епархиальной жизни. Но теперь, заявляет он, когда производится изъятие драгоценностей из храмов, он не считает для себя возможным хранить молчание. Митрополит предостерегает свою паству от действий, вызываемых чрезмерной ревностью и совершаемых с чувствами вражды и раздражения. Подобные действия, по мнению владыки Сергея, способны привести к тому, что из храмов будут изъяты и те церковные вещи, которые при уступчивости прихожан можно было бы сохранить. Эта часть воззвания, по-видимому, представляет собой отклик на Шуйские события.

Далее митрополит убеждает паству, что если власть решается на такую крайнюю меру, как изъятие евхаристических сосудов, значит, её вынуждает к этому крайняя необходимость, те ужасы, которые творятся в охваченных голодом местах (имеются в виду случаи людоедства, о которых сообщалось в печати).

На вопрос: что же делать? – владыка Сергей советует пастве извлечь из сундуков и потайных мест припрятанные там золотые и серебряные вещи и, пока гражданские власти ещё допускают замену богослужебных предметов нецерковными драгоценностями, пожертвовать этими вещами.

Говоря о послании Патриарха от 28-го февраля 1922 года, в котором святитель Тихон ссылался на церковные каноны, митрополит указывает, что Патриарх ни единым словом не призывал верующих ни к протестам, ни, тем более, к защите святынь насильем.

По всей вероятности, митрополит Сергей понимал, что во всех эксцессах при конфискации церковных ценностей власти могут обвинить Патриарха. Это впоследствии и произошло. И святитель Тихон, вынужденный давать властям объяснение по поводу своего послания, назвал митрополита Сергия «благомыслящим», поскольку тот понял, что Патриарх не призывал верующих к сопротивлению властям [95, с. 122 – 123].

Продолжая убеждать паству в необходимости жертвовать церковными ценностями, митрополит Сергей указывает в своём воззвании те случаи, когда церковные каноны (Апостольское правило 73 и ему подобные), на которые ссылается в своём послании Патриарх, неприменимы. Для этого митрополит прибегает к авторитету известного знатока церковного права епископа Никодима (Милаша). Тот в своём капитальном труде «Правила Святой Православной Церкви с толкованиями» отмечал: «бывали примеры в самые древние времена, что некоторые епископы брали из церкви всё, что в ней было самого драгоценного, даже священные сосуды, и обращали их в деньги, когда являлась потребность накормить голодных или выкупить пленных. Это были дела милосердия, заповеданные Самим Богом, и к ним не может быть применимо ни это Апостольское правило, ни другие подобные ему» [114, с. 313 – 314]. Митрополит Сергей приводит это место в своём послании почти дословно: «древние святители православной нашей церкви... не боялись... отдавать церковные драгоценности и даже самые священные сосуды, когда настояла нужда накормить голодающих или выкупить пленных. То были дела милосердия, заповеданные самим Богом, и к ним не может быть применимо ни это (73) Апостольское правило, ни другие подобные ему».

Митрополит Сергей призывает паству, если ей нечем пожертвовать взамен церковных вещей, подчиниться тяжкой необходимости расстаться с благолепием храмов. Он утешает её, говоря, что храмы и без золота и серебра останутся храмами, а святые иконы – святыми иконами. И назидает

примером Самого Спасителя, родившегося не в золотых чертогах, а в убогом вертепе, и примером преподобного Сергия Радонежского, у которого за литургией были деревянные богослужебные сосуды, ризы из крашенины (грубого домотканого полотна) и лучины вместо свечей.

В конце послания к тому, чтоб отдавать церковные ценности или, если возможно, обменивать их на ценности бытовые, митрополит Сергей призывает не только паству Владимирской епархии, но и всё её духовенство, и своих братьев – викарных архиереев [86, с. 293 – 296]. Во Владимирской епархии викариев было тогда четверо: епископ Суздальский Василий (Зуммер), епископ Муромский Серафим (Руженцов), епископ Иваново-Вознесенский и Юрьевецкий Иерофей (Померанцев) и епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). Надо полагать, что они сумели довести послание митрополита Сергия до сведения духовенства и прихожан.

Изъятие церковных ценностей во Владимирской епархии, проводимое после получения составленной Троцким директивы, никакого протеста со стороны прихожан больше не встречало. Владимирский губернский отдел ОГПУ 24-го апреля 1922 года сообщал своему московскому руководству на Лубянку: «Работа по губернии вообще протекает спокойно» [97].

Судя по рапортам секретных отделов ГПУ, большевистское ведомство политического надзора при проведении кампании по изъятию церковных ценностей стремилось, в первую очередь, предотвратить возможные народные волнения и столкновения верующих с реквизиторами [82, с. 30].

Например, во Владимирской губернии перед изъятием широко применялись предварительные переговоры со священнослужителями, выступавшими от лица общин верующих [97]. Духовенство и миряне Владимирской губернии, согласно повсеместно сложившейся тогда практике, обсуждая с гражданскими властями вопрос об изъятии ценностей из храмов, очевидно, просили предоставить общинам верующих возможность выкупа не

только богослужебных сосудов и предметов, необходимых при совершении святой Евхаристии, но также и риз особо чтимых икон [82, с. 31 – 32].

В целом же можно сказать, что во Владимирской губернии повсеместно исполнялась, скорее, не мартовская директива Троцкого о полном изъятии, а более мягкая февральская инструкция большевистского Помгола. Порядок изъятия был таков. Ценности всегда изымались в присутствии священнослужителей и прихожан. Богослужебные предметы, подлежащие изъятию, можно было выкупить, заменив их соответствующим эквивалентом: денежным или материальным. Например, оклады особо чтимых икон (сами иконы, как и антиминсы, не входили в утверждённый властями перечень подлежащих изъятию предметов) [80, с. 78 – 81]. Без выкупа общине оставляли один комплект евхаристических сосудов и один напрестольный крест (даже если он был из золота) [112].

В Мошке изъятие производилось в апреле 1922 года. При нём присутствовал священник Николай Астреин. Комиссия по изъятию конфисковала: полтора комплекта евхаристических сосудов, шесть обложек с богослужебных Евангелий, одно кадило, четыре напрестольных креста и один ковшичек. А всего – двадцать предметов, общий вес которых составил 21 фунт 50 золотников (9,75 кг). Ризы с особо почитаемых икон: храмового образа Успения Пресвятой Богородицы и Казанской иконы Божией Матери – были оставлены на месте. За них прихожане внесли выкуп – 28 фунтов (12,7 кг) серебряных вещей [79, с. 49], по всей видимости, пожертвованных прихожанами.

Как уже говорилось в первой главе настоящей работы, риза на храмовой иконе Успения была медно-посеребрённой, с позолоченными венцами [61, с. 331]. А серебряная позолоченная риза, украшавшая Казанский образ Божией Матери, весила около 1,4 кг [61, с. 364]. Следовательно, за эти ризы был уплачен более чем щедрый выкуп. Вероятно, на приходе был, в соответствии с воззванием митрополита Сергия, проведён

сбор бытовых ценностей из серебра в пользу голодающих [68, с. 108]. И прихожане Успенского храма, видимо, не сомневались, что их пожертвования пойдут именно на помощь терпящим бедствие. Хотя, как теперь известно, лишь малая часть конфискованных ценностей пошла на покупку продовольствия. Подавляющая часть была потрачена на организацию самой кампании по изъятию и на содержание большевистского партийно-государственного аппарата [68, с. 108].

Согласно «Отчёту Владимирского губисполкома XIV Губернскому съезду Советов», всего из монастырей и храмов Владимирской губернии одного только церковного серебра, не считая золота, жемчуга, бриллиантов и разных украшений, было изъято 467 пудов 8 фунтов 48 золотников и 4 доли (то есть 7616 килограммов). Таким образом, вес серебра, изъятого из Успенского храма и пожертвованного прихожанами села Мошок на нужды голодающих, (49 фунтов 50 золотников, то есть 22,5 килограмма) составил 0,3% от общей массы всего изъятого в губернии церковного серебра.

2.2. Коллективизация: судебные преследования клириков и мирян (1929)

С 1923 года, при новой экономической политике, борьба с религией велась в основном средствами печати [110]. В Мошке в этот период проходили, как и в дореволюционные времена, шесть ярмарок, приуроченных к церковным торжествам. И назывались они по-прежнему: Мироносицкая, Троицкая, Петропавловская, Казанская, Ильинская и Богословская [79, с. 49 – 50; 68, с. 78].

Накануне и в дни ярмарок в Успенском храме совершались богослужения. Чтобы отвлечь юных прихожан от посещения храма, в партийном клубе Мошка организовывались танцевальные вечера. Об одном из таких вечеров, проводившемся 21-го июля 1923 года, в день одного из престольных праздников Успенского храма и Казанской ярмарки, сообщала

губернская партийная газета «Призыв» от 28-го июля того же года. Газетный материал завершался призывом к молодёжи: «Молодёжь! Почаще посещайте читальню партклуба, больше читайте антирелигиозной литературы, она даст вам ясное представление о религии, как о вечном обмане» [118].

В ходе сворачивания нэпа и постепенной ликвидации частного предпринимательства религиозные организации были приравнены к коммерческим предприятиям, а духовенство – к дельцам-нэпманам (в сельской местности – к кулакам): приходы и священников облагали высокими налогами и страховыми платежами [65, с. 213; 71, с. 158].

В 1928 году за неуплату страхового сбора были привлечены к суду председатель церковного совета храма Александр Павлович Пивоваров и священник Николай Астреин [79, с. 50]. По мнению исследователей, у прихода просто не было средств на уплату этого сбора [68, с. 110].

Известно, что в 1929 – 30-х годах в связи с коллективизацией крестьянских хозяйств по всей стране проходило повсеместное закрытие храмов. Считалось, что «сознательные» колхозники не могут быть верующими, и поэтому вместе с решением об открытии в селе колхоза обычно принималось и решение о закрытии сельского храма. В Мошке коллективное хозяйство было образовано, надо полагать, осенью 1929 года, поскольку получило название колхоза имени Двенадцатой годовщины Октября [115].

И власти заранее приняли меры к тому, чтобы закрыть Успенский храм. Согласно гражданскому законодательству того времени, храм без священника действовать не мог, поэтому арест священника использовался как самый «лёгкий способ» закрытия храма [65, с. 212].

Очевидно, для того, чтобы избавиться от священника, в июльском номере владимирского журнала «Наше хозяйство» за 1929 год была опубликована статья неких Н. М. Свинухина Н. Г. Подунова (а по сути, политический донос) под заголовком «Тёмные силы Мошка». Статья

завершалась такими словами: «Тёмные силы во главе с попом Анисовым в селе Мошок чувствуют себя свободно и имеют сторонников вне села Мошка. Вышестоящим следственным органам необходимо раскрыть и почистить из советских учреждений этих сторонников!» [79, с. 50].

После этого печатного призыва к расправе в Мошке 22-го ноября 1929 года были арестованы сразу семь человек: священник Василий Петрович Анисов, крестьяне Григорий Спиридонович и Пётр Григорьевич Афанасьевы, Александр Павлович Пивоваров, Иван Григорьевич Сорокин, а также бывший председатель приходского совета Кондратий Иванович Каширин и, по-видимому, его сын – Павел Кондратьевич Каширин. Последние двое названы в документах НКВД лицами «без определённых занятий». Священник Василий Анисов был приговорён к пяти, а все остальные – к трём годам лишения свободы [116].

В Успенском храме после ареста отца Василия Анисова служил священник Василий Касаткин; сохранялся церковный хор под руководством регента Ивана Николаевича Сорокина; в числе певчих состояли Евдокия Павловна Гарнова, Прасковья Ивановна Пивоварова, Зинаида Ивановна Репина, Анна Семёновна Смирнова. Обязанности звонаря исполнял Сергей Тимофеевич Спицын, а охранял храм сторож Кузьма [68, с. 110 – 111].

Таким образом, на волне коллективизации храм в Мошке ликвидирован не был. И богослужения в нём посещали не только жители Мошка, но и миряне из прихода Свято-Никольского храма села Троице-Колычёво Селивановского района, где храм вначале 1930-х годов был закрыт [68, с. 114; 79, с. 53]. Репрессии 1929 года против духовенства и преданных Церкви мирян не привели, вопреки возможным ожиданиям властей, к ликвидации прихода в Мошке.

Как отмечают исследователи, в Ивановской промышленной области, на территории которого находился тогда Мошок, оставалось, по данным на сентябрь 1936 года, «больше всего работающих молитвенных зданий» (то

есть незакрытых храмов), а именно 903 из 1473, существовавших прежде, что составляло 61,3% [66, с. 25 – 26].

2.3. Индустриализация: изъятие колоколов (1935)

Борьбу с колокольным звоном богоборческая власть вела поэтапно. В самом конце 1929 года был принят закон об урегулировании (ограничении или прекращении) колокольного звона. Необходимость подобного «урегулирования» мотивировалась, как обычно, интересами трудящихся, отдыху и работе которых колокольный звон якобы мешал. Пасхальный звон во все колокола («трезвон») запрещался полностью. Некоторое время спустя власти возбудили вопрос о снятии колоколов со звонниц тех храмов, в которых колокольный звон прекращён. Конфискация колоколов должна была проводиться под предлогом того, что стране в период индустриализации нужен металл. Был выдвинут официальный лозунг: «Переплавим колокола на провода!» [65, с. 152 – 159] и намечен план конфискации колоколов. В последнем квартале 1930 – первом квартале 1931 годов предполагалось получить за счёт изъятия не менее двадцати пяти тысяч тонн колокольного лома [62, с. 61]. 14-го ноября 1930 года вышло и было разослано на места секретное постановление Совета народных комиссаров Российской Федеративной Республики (в составе Советского Союза), которое предписывало изъять излишние колокола под предлогом «нужд нашей промышленности». Хотя, как теперь установлено, колокола изымались для чеканки разменной монеты, которую до того чеканили из импортной меди [62, с. 61 – 62]. На организуемых властями собраниях прихожанам обычно предлагали передать все колокола в «фонд индустриализации», под предлогом того, что страна переживает «металлический голод» [87, с. 241].

Но, видимо, потому, что ноябрьское постановление 1930 года предписывало произвести конфискацию колоколов «только в городах и

рабочих посёлках» [61, с. 62], до Успенского храма села Мошок очередь дошла лишь в 1935 году.

В мае этого года сельский совет возбудил вопрос одновременно и о прекращении в Мошке колокольного звона, и о снятии колоколов с колокольни Успенского храма. Сначала работники сельсовета собрали колхозный актив, потом медицинских работников местной больницы и сотрудников неполной средней школы. Именно они в качестве трудящихся, работе и отдыху которых колокольный звон создаёт помехи, должны были принять решение о ликвидации звона и сдаче колоколов государству. К чести медиков и сотрудников школы надо отметить, что не все они дали на это согласие. Созванное вскоре общее собрание жителей села тоже не дало моментального одобрения снятию колоколов. Жители Мошка задавали организаторам собрания не очень приятные вопросы. Например, обладает ли сельсовет правом принимать решение о снятии колоколов? И как, если снимут все колокола до одного, поднять тревогу, чтобы известить жителей в случае пожара? Собрание настаивало на том, чтоб хотя бы один колокол всё-таки оставить в качестве набатного. В конце концов, собрание постановило: снять все колокола, кроме полиелейного. При этом организаторы собрания говорили прихожанам заведомую неправду. Они убеждали их, что речь идёт не о полном запрете колокольного звона, а всего лишь об уменьшении числа колоколов, поскольку «страна нуждается в металле»; и что полиелейный колокол оставляется на храмовой звоннице не только в качестве сигнального, но и для богослужебных целей.

Несмотря на то, что Мошокский сельсовет и в самом деле не имел права принимать решение о конфискации колоколов (это по закону мог сделать лишь исполнительный комитет Ивановской промышленной области, в состав которой входило село Мошок), 23-го мая 1935 года шесть колоколов из семи были со звонницы Успенского храма сняты [79, с. 51].

Упомянутое выше секретное постановление Совнаркома гласило, «что к сбрасыванию колоколов с колоколен следует прибегать лишь в случаях самой крайней необходимости» [62, с. 62]. Видимо, власти посчитали, что в Мошке подобная необходимость возникла. Большой колокол-благовестник, по устным сообщениям очевидцев, был сброшен со звонницы. Чтобы удобнее было его везти, колокол пытались разбить кувалдами, но не вышло. В итоге его раскололи многопудовым орудием для сноса зданий, так называемой «бабой» [68, с. 111].

26-го июля 1935 года Судогодский районный исполнительный комитет задним числом постановил – ходатайствовать перед Ивановским облисполкомом о прекращении колокольного звона и снятии колоколов. И 8-го июня облисполком ходатайство удовлетворил. Прихожане Успенского храма, узнав о том, что и последний колокол будет со звонницы снят, начали обращаться в облисполком с жалобами. Но их официально поставили в известность, что вес сигнального колокола не должен быть выше шестнадцати килограммов. Оставленный же в Мошке колокол весил 960 кг. Вероятно, на этом законодательно подтверждённом основании со звонницы Успенского храма и был снят последний колокол [79, с. 51].

Мы видим, что как изъятие церковных ценностей проводилась властями под предлогом помощи голодающим, так и конфискация колоколов осуществлялась под видом помощи стране в проведении индустриализации.

2.4. «Большой террор» (1937 – 1938)

2.4.1. Репрессии против духовенства и прихожан (1937)

Массовым репрессиям 1937 – 1938 годов, известным под названием «Большого террора», во Владимирском крае предшествовали, во-первых, открытые судебные процессы против духовенства и мирян, инсценированные карательными органами в 1928 – 1930 годах [65, с. 162 – 170], во-вторых,

сфабрикованные теми же органами в 1933 – 1936 годах дела вымышленных «контрреволюционных» организаций, таких как: «Сестричество преподобного Серафима Саровского», «Истинно-православная церковь» и других. Однако стоит отметить, что обвиняемых в те годы к расстрелам, как правило, не приговаривали: наказывали трёх- или пятилетним сроком заключения в исправительно-трудовых лагерях или же высылкой на три года [65, с. 171 – 182].

Как известно, принятая в 1936 году очередная (третья по счёту) советская конституция, в отличие от конституций 1918 и 1925 годов, не лишала избирательных прав «служителей культа». Все граждане Советского Союза провозглашались равноправными. Так называемые «кулаки» становились «бывшими кулаками», а духовенство получало право участвовать в выборах местных и центральных органов власти. Надо сказать, что норма, приравнивающая священников к «кулакам» была отменена ещё в октябре 1930 года [62, с. 98]. Никаких юридических оснований для ликвидации последовательно дискриминируемых социальных групп, к которым относились раскулаченные крестьяне и служители Церкви, отныне не имелось.

Видимо, поэтому центральный комитет большевистской партии на своём июньском пленуме 1937 года принял строго секретную директиву о так называемых «антисоветских элементах». Эти «элементы» предписывалось немедленно арестовывать, их дела рассматривать в административном порядке так называемыми «тройками» (внесудебными трибуналами из трёх членов), и «наиболее враждебных» расстреливать немедленно, а «менее активных» высылать.

30-го июля 1937 года народный комиссар внутренних дел Н. И. Ежов разослал в местные управления своего ведомства секретный оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Согласно этому приказу,

все местные управления НКВД обязывались начать «репрессирование» 5-го августа. Списки с указанием, сколько человек необходимо расстрелять или отправить в лагеря в каждой республике, крае или области, прилагались [65, с. 189].

К числу лиц, подлежащих репрессиям, относились, в частности, «бывшие кулаки» и «церковники». Духовенство подпадало под обе эти категории.

Судогодский районный отдел НКВД начал аресты жителей села Мошок.

11-го августа арестовали бухгалтера Петра Дмитриевича Колоколова, однако дело в отношении его прекратили.

15-го августа арестовали сразу пятерых: колхозника Василия Ивановича Берстнева, бывшего диакона Успенского храма (осуждён к расстрелу), бухгалтера Фёдора Игнатьевича Сухова (осуждён к расстрелу), председателя ревизионной комиссии Ивана Николаевича Сорокина (осуждён к расстрелу), крестьянина Степана Ивановича Овчинникова (осуждён к расстрелу) и председателя колхоза Николая Тимофеевича Полушкина (осуждён на 10 лет лишения свободы).

26-го августа был арестован плотник Сергей Николаевич Афанасьев, раскулаченный во время коллективизации (осуждён на 10 лет лишения свободы).

11-го сентября арестовали троих: плотника Павла Харитоновича Репина (осуждён к расстрелу), секретаря сельского совета Александра Ивановича Горского (осуждён на 10 лет лишения свободы) и кузнеца Василия Сергеевича Курлова (осуждён на 10 лет лишения свободы).

29-го сентября был арестован крестьянин Иван Петрович Титимов (осуждён на 5 лет лишения свободы); 6-го октября – проживавший в посёлке Андреево бухгалтер Алексей Васильевич Барашков (бывший священник,

осуждён к расстрелу); 27-го октября – шорник Никифор Дмитриевич Барышников (осуждён к расстрелу).

28-го октября арестовали ещё троих: Павла Михайловича Белова (без определённых занятий, осуждён на 10 лет лишения свободы), колхозника Филиппа Никифоровича Герасимова (осуждён на 10 лет лишения свободы) и крестьянина Василия Петровича Митрофанова (осуждён к расстрелу).

6-го ноября был арестован священник Успенского храма Аркадий Степанович Невский (осуждён на 10 лет лишения свободы).

28-го ноября арестовали псаломщика Александра Васильевича Герасимова (осуждён на 10 лет лишения свободы) и счётного работника Андрея Семёновича Скворцова (осуждён на 10 лет лишения свободы).

15-го декабря были арестованы двое проживавших в Муроме уроженцев села Мошок – рабочий Иван Матвеевич Щедрин (осуждён к расстрелу) и слесарь Николай Михайлович Казанский (осуждён на 10 лет лишения свободы)

29-го апреля 1938 года был арестован житель Мошка Александр Александрович Чехлов, председатель швейной артели (осуждён на 8 лет лишения свободы) [118].

Как видно из приведённого выше перечня, социальный состав жителей села Мошок, подвергнутых репрессиям во время «Большого террора» был разнообразным: колхозники, крестьяне (очевидно, единоличники), бухгалтеры, ремесленники-кустари, а также председатель колхоза и секретарь сельсовета. Обращает на себя внимание и тот факт, что священник Успенского храма отец Аркадий Невский и псаломщик Александр Герасимов (явные «церковники» по терминологии ежовского оперативного приказа) были арестованы не летом, когда начались репрессии, а осенью, в ноябре 1937 года. Видимо, это было связано с тем, что октябрьский пленум центрального комитета большевистской партии, опасаясь влияния религиозных организаций на результаты предстоящих выборов в Верховный

Совет СССР, принял директиву, обязывающую НКВД «обеспечить оперативный разгром церковного <...> контрреволюционного актива» [69, с. 516]. Исследователи считают показательным то обстоятельство, что священник Аркадий Невский был арестован 6-го ноября, через день после особо почитаемого в Мошке праздника в честь Казанской Богородичной иконы [68, с. 113] и, дополним, накануне двадцатилетия Октябрьского переворота 1917-го года.

По не зависящим от нас причинам мы пока были лишены возможности ознакомиться с архивными следственными делами представителей причта Успенского храма, репрессированных в период «Большого террора». Но весьма вероятно, что дела по обвинению священника Аркадия Невского и псаломщика Александра Герасимова строились в соответствии с принятым в те годы шаблоном. Следователи, используя лексику советских нормативных актов, тенденциозно излагали и превратно истолковывали факты. Так, духовенство и прихожане именовались «контрреволюционной группой церковников», молитвенные собрания – «нелегальными сборищами», а беседы между верующими, в которых те обсуждали текущие события, – «антисоветской агитацией» [65, с. 195 – 196, 203; 66, с. 24, 26].

2.4.2. Закрытие храма (1938)

Несмотря на арест всех членов причта, Успенский храм не закрыли, и до второй половины 1938 года богослужения в нём продолжались. Их совершали приезжавшие в Мошок священники [79, с. 52]. Возможно, среди них был и шурин отца Аркадия Невского – священник Иван Сергеевич Фестинатов (будущий архиепископ Владимирский и Суздальский Онисим), служивший до 1940 года в селе Заястребье Судогодского района.

В 1930-х годах как основной повод для закрытия храма обычно использовалось заявление жителей района. И власти решили такой повод создать.

21-го августа 1938 года в деревне Новой было созвано комсомольское собрание, выступив на котором, некий М. А. Крысин предложил закрыть храм в Мошке. Видимо, Крысин, готовясь к собранию, проштудировал текст закона «О религиозных объединениях», принятого 8-го апреля 1929 года. Этот нормативно-правовой акт не только существенно ограничивал сферу деятельности священнослужителей и прихожан, но также указывал ряд условий, нарушение которых могло бы послужить основанием для закрытия храма. В частности, закон под угрозой привлечения к уголовной ответственности запрещал «всякого рода принудительное взимание сборов в пользу религиозных объединений» [50, с. 353]. Неслучайно Крысин, требуя ликвидации храма, заявил комсомольцам, что «приходящие попы в церковь служат лишь для только корыстной цели самого себя, производят с верующих произвольные налоги» [79, с. 52].

Все семнадцать членов комсомольской организации проголосовали за закрытие храма. И в тот же день Крысин провёл в Новой деревне ещё одно собрание – членов колхоза имени Н. К. Крупской. На нём он опять же говорил о необходимости закрыть храм в Мошке. Но на этот раз мотивировал своё предложение тем, что имущество храма расхищается, а сам храм нуждается в ремонте. Говоря это, Крысин прямо обвинял церковный совет в том, что тот «сложил с себя всякую ответственность» [79, с. 52]. Иначе говоря, не выполняет требования закона «О религиозных объединениях». Согласно его положениям, «члены религиозного общества» обязаны были «хранить и беречь» как храм («здание культа»), так и храмовую утварь, считавшуюся «государственным имуществом», которое лишь вверено прихожанам. Если же храм («молитвенное здание») по причине своей ветхости угрожал «полностью или частично обвалом», то богослужения и молитвенные собрания в нём прекращались [50, с. 353]. Этого и требовал Крысин. Колхозники деревни Новой большинством голосов одобрили его предложение (двадцать восемь голосов «за», семь «против»).

Отдохнув один день, Крысин продолжил активно собирать голоса в поддержку закрытия храма. 23-го августа он провёл общие собрания жителей деревень Поросятьево и Озяблицы, 24-го августа – деревни Горячево и села Мошок, 26-го августа – деревень Лукинка, Старо-Покровская и Колодники. Во всех этих населённых пунктах Крысин перед голосованием выступал с лекцией «Об эксплуататорской сущности религии и связи Церкви с царизмом». Всего в голосовании по вопросу о закрытии храма приняли участие 334 человека, в том числе 57 жителей села Мошок. В составленном Крысиным протоколе проведённого в Мошке собрания было сказано, что в пользу закрытия храма было подано «большинство голосов» [79, с. 53]. Поскольку, согласно официальным данным, численность населения села Мошок составляла в 1926 году 1455 человек [118], то 57 жителей вряд ли можно назвать «большинством».

Стоит отметить также, что деревни Лукинка и Старо-Покровская (ныне обе не существуют) в 1938 году относились не к Судогодскому, а Селивановскому району. А раньше входили в состав прихода Никольского храма село Троицкое-Колычёво Меленковского уезда (ныне деревня в Селивановском районе Владимирской области), а не в приход села Мошок [48, с. 296]. Надо полагать, что жители этих деревень после закрытия в 1929 году Никольского храма посещали храм в Мошке.

Накануне созванного Крысиным в Мошке общего собрания житель села П. Д. Гудков представил в сельский совет записку, в которой объяснял, что он не староста Успенского храма и не член церковного совета. Просто ему поручили ключи от храма. Но у себя он их не держит, а передаёт на хранение другим людям, а за храм и его имущество ответственности не несёт. Церковный сторож (и бывший звонарь) Сергей Тимофеевич Спицын в тот же день подал в сельсовет заявление, что поскольку церковного совета нет, а временный староста (очевидно, имелся в виду П. Д. Гудков)

ответственность за храм и его имущество с себя снял, то и он, Спицын, от этой ответственности отказывается [68, с. 114; 79, с. 53].

На основании представленных Крысиным протоколов собраний Мошокский сельский совет 2-го сентября 1938 года принял постановление: Успенский храм в селе Мошок закрыть и возбудить ходатайство пред Судогодским районным исполнительным комитетом о закрытии храма и передаче здания в распоряжение колхоза. В этом постановлении было указано, что «церковный совет распался, а остальные члены, которые остались в живых, ответственность за охрану церкви с себя сняли» и что храм якобы не функционирует с 1926 года. Ивановский областной исполком принял 28-го сентября 1938 года окончательное решение о ликвидации Успенской церкви и об использовании её под культурные нужды. В постановлении облисполкома также значилось, что храм не функционирует с 1926 года [79, с. 53 – 54].

По мнению исследователей, Судогодский райисполком, указав в своём постановлении дату: 1926 год, – хотел показать, что храм в Мошке якобы прекратил своё существование ещё до принятия так называемой «Декларации митрополита Сергия» (1927), в которой священноначалие Церкви заявило о гражданской лояльности верующих по отношению к советской власти [68, с. 109].

9-го октября 1938 года П. Д. Гудков подал в Ивановский облисполком прошение, в котором признавал, что по просьбе прихожан временно исполняет обязанности церковного старосты Успенского храма в селе Мошок. Далее заявитель сообщал, что все налоги за 1938 год храмом полностью уплачены и что храм не пребывает в бесхозном состоянии: при нём есть сторож, ключи хранятся у самого П. Д. Гудкова, произведена опись церковного имущества. Поскольку в настоящее время богослужения в храме не проводятся, прихожане попросили его, П. Д. Гудкова, обратиться к властям с ходатайством о возобновлении богослужебной деятельности.

Поэтому П. Д. Гудков просит Президиум облисполкома, приняв это заявление, дать разрешение на проведение церковного собрания для избрания постоянного старосты и решения других вопросов. Ответ заявитель просил направить церковному сторожу С. Т. Спицину.

Обнаруживший и опубликовавший написанное П. Д. Гудковым заявление историк А. Л. Ершов отметил, что это «самое настоящее ходатайство об открытии храма», причём поданное «в двухнедельный срок после постановления облисполкома о ликвидации церкви (как и требовалось по закону)». Но ходатайство осталось без ответа. [79, с. 54].

По сообщениям старожилов Мошка, вынесенные из храма иконы сжигали прямо перед храмом, «женщины плакали, просили: раздайте, мол, по домам, – а не давали» [68, с. 115].

Храм, находившийся на балансе Мошокского сельсовета, в течение долгого времени был закрыт. С 1950 года тёплую часть храма занимала машинно-тракторная станция (МТС): в алтарной части Казанского придела располагалась кузница, а в остальных местах – станки. Металлическую церковную ограду использовали для изготовления гаек и болтов, поскольку, согласно принятой ещё в 1931 году инструкции, ограды, установленные религиозными организациями, предписывалось сносить и реализовывать [70, с. 279]. В 1957 году в храме находился гараж для сельскохозяйственной техники.

В 1960 году храм, к тому времени уже не использовавшийся, хотели снести. С его тёплой части сняли кровлю и вызвали мастеров-взрывников. Но местные жители храм отстояли, и разрушен он не был [68, с. 115]. В 1973 году храм был сдан в аренду «Райпотребсоюзу» (эта организация закупала у населения сельскохозяйственную продукцию, грибы, ягоды и орехи) [68, с. 123].

ГЛАВА III. ДУХОВЕНСТВО СЕЛА МОШОК (1918 – 1938)

3.1. Священники

АНИСОВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Родился в 1890 году в селе Мошок [107]. Сын штатного псаломщика Успенского храма села Мошок Петра Ивановича Анисова [48, с. 233; 68, с. 110].

Во Владимирской духовной семинарии учился в одном классе с будущим священником Аркадием Невским [38, с. 187 – 188].

В 1912 году окончил семинарский курс по второму разряду и удостоен звания студента (выпускника) семинарии [40, с. 134].

1-го августа того же года определён в священника к Предтеченскому храму в село Синжаны, Меленковского уезда. [2, с. 204].

11-го августа 1915 года перемещён из Синжан к Казанскому храму села Акиншино Вязниковского уезда [4, с. 208].

В 1929 году служил в Успенском храме родного села Мошок [68, с. 110]. 22-го ноября того же года арестован [79, с. 50 – 51].

Осуждён на пять лет лишения свободы [116].

О его дальнейшей судьбе сведений пока не имеется.

АСТРЕИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ<?>. Был, по-видимому, сыном дьячка Михаила Астреина, занимавшего должность псаломщика на Воскресенском приходе села Воскресенское Покровского уезда Владимирской губернии (ныне деревня Воскресенье Петушинского района) [48, с. 242 – 243].

В 1888 году окончил Владимирскую духовную семинарию по первому разряду. Его имя стоит в разрядном списке под номером 13

(общее число выпускников этого года – 41, окончивших семинарию по первому разряду – 13;) [32, с. 285].

27-го ноября 1888 года определён на должность учителя в церковно-приходскую школу села Житенино Покровского уезда (ныне урочище Житенино Орехово-Зуевского района Московской области) на место Ивана Васильева, перемещённого в Иваново-Вознесенскую образцовую школу учителем младшего класса [49, с. 178; 68, с. 94].

7-го апреля 1891 года определён на священническое место в село Суровцево Меленковского уезда (ныне деревня Николо-Ушна Селивановского района Владимирской области), а 12-го апреля того же года рукоположён в сан священника к Никольскому храму этого села [10, с. 200; 17, с. 32].

Состоял сотрудником Владимирского епархиального попечительства, то есть вносил ежегодные добровольные пожертвования в пользу бедных духовного звания [26, с. 390].

Был делегатом Владимирских епархиальных съездов духовенства, проходивших в январе 1905-го [17, с. 32] и в августе 1909-го годов [16, с. 2].

От духовенства Меленковского уезда не раз избирался уполномоченным представителем на окружных училищных съездах, где рассматривались вопросы о содержании Муромского духовного училища [15, с. 91; 18, с. 159].

В 1909 году ко дню рождения императора Николая II (19 мая по новому стилю) за заслуги по духовному ведомству Святейшим Синодом удостоен награждения камилавкой [26, с. 138].

1-го мая 1914 года перемещён в село Мошок. [14, с. 108].

В апреле 1922 года присутствовал при изъятии церковных ценностей из Успенского храма в Мошке [79, с. 49].

В 1923 году вместе с прихожанином Кондратием Ивановичем Кашириным был привлечён к суду. Отец Николай Астреин и Кондратий Каширин своевременно не внесли страховые платежи за свою прислугу – живущих у них в работницах двух пятнадцатилетних девочек [118].

Здесь стоит отметить, что обязательное государственное страхование, законодательно введённое рядом нормативных актов начала 1920-х годов, было своего рода способом налогообложения: граждане регулярно оплачивали авансом возможные расходы, которые казне приходилось нести от случая к случаю. В сельской местности предписывалось в обязательном порядке страховать: посевы от градобития [28, с. 31], скот от падежа [28, с. 31], постройки от пожара [28, с. 72]. Если страховой платёж не вносился в срок, то его взыскивали принудительно в двойном размере [28, с. 18 – 19, 41].

Работодатели должны были платить взносы в фонды страхового обеспечения лиц, занятых наёмным трудом [28, с. 34]. Именно эти взносы и не уплатили отец Николай Астреин и Кондратий Каширин. На суде оба они заявили, что девочки «жили у них из милости, как призреваемые, за хлеб и одежду» [118]. Трудно сказать, действительно ли это было так, или же родственники девочек, отданных в услужение, всё-таки получали за них плату (так называемое «зажитое»). Очевидно лишь одно – власть пыталась вводить новые трудовые отношения между работодателями и наёмными работниками. Но, как отмечают исследователи, не учитывала того, что в сельской местности были сильны патриархальные отношения и нередко сами работники стремились скрыть от властей факт найма [101].

По решению суда Кондратий Каширин был приговорён к штрафу на 125, а священник Николай Астреин – на 100 рублей золотом. В случае несостоятельности оштрафованных суд постановлял продать их имущество. В губернской партийной газете «Призыв» за 9 мая 1923 года была опубликована заметка об этом судебном слушании под саркастическим заголовком «Современные благодетели» [118]. В начале 1920-х годов пресса

Владимирской губернии охотно печатала материалы, дискредитирующие духовенство. Выглядевшие по форме как «заметки с мест» они, видимо, сочинялись журналистами-профессионалами [110].

В 1928 году набожным усердием купца Г. С. Афанасьева в Успенском храме села Мошок был произведён ремонт. Заботясь о церковных нуждах, купец поставил всё необходимое для ремонтных работ. Однако рабочих не застраховали предварительно от несчастных случаев. Поэтому священник Николай Астреин вторично попал под суд, к которому был привлечён вместе с председателем церковного совета А. П. Пивоваровым. На этот раз о судебном процессе сообщил в июльском номере владимирский ежемесячный журнал «Наше хозяйство» [79, с. 50].

Сведения о дальнейшей судьбе священника Николая Астреина пока не обнаружены.

БАРАШКОВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Алексей Васильевич Барашков родился в 1893 году в селе Горицы Шуйского района Владимирской губернии (ныне Ивановской области) [116] в крестьянской семье. Окончив учительскую семинарию, четыре с половиной года был школьным учителем. В 1916 году рукоположён в сан диакона к Успенскому храму села Мошок [116]. 14 / 27 января 1918 года определён на священническое место в то же село [6, с. 11] помощником настоятеля (младшим священником) [68, с. 106].

Как известно, в первых Конституциях РСФСР (1918 и 1925 годов) «монахи и духовные служители религиозного культа» лишались избирательных прав наряду с душевнобольными и заключёнными [Русина, с. 192]. То есть иноки и духовенство основным законом страны приравнивались к людям с психическими расстройствами и к преступникам, содержащимся в местах заключения. Лишение избирательных прав ставило на человеке клеймо социальной отверженности и влекло за собою другие

дискриминационные санкции. Так называемые «лишенцы» утрачивали не только возможность занимать какие-либо руководящие должности, но не могли даже быть поручителями и опекунами. Они не имели также права получать пенсию и пособие по безработице, а их детей исключали из школ и не принимали в высшие учебные заведения. А лишенцы, проживающие в сельской местности, как правило, облагались непосильным налогом, при неуплате которого в срок начислялся штраф за каждый просроченный день [84, с. 195].

Поэтому лишенцы старались добиться восстановления в правах. При этом священники и диаконы должны были сложить с себя духовный сан и публично заявить об этом в храме или в местной газете [106].

15-го января 1924 года священник Алексей Барашков сложил с себя сан [Приложение А]. А 27-го апреля того же года во владимирской губернской газете «Призыв» было опубликовано поданное бывшим священником Барашковым в Судогодский уездный исполнительный комитет заявление следующего содержания:

«Я, Алексей Барашков, 30 лет, происхожу из беднейших крестьян Шуйского уезда. Благодаря своим трудам и жажде знания, мне удалось кончить учительскую семинарию. Затем 4 с половиной года я был учителем народной школы. В 1916 г. я стал служителем религиозного культа (священником) в селе Мошке. Но так как я стал им не по своим религиозным убеждениям, а в силу обстоятельств, то всё время чувствовал себя оторванным от трудового народа. Духовенство мне было противно и чуждо своими алчными стремлениями. Хотя я и сам находился среди них, но мысли мои были всегда на стороне трудового народа. Будучи священником, я в то же время несколько лет служил счетоводом в кооперативе и только эту работу я считал полезной для страны, а не служение культу. Революция и служба в кооперативе показали мне, что, священствуя, я трачу силы не там, где они нужны. Благодаря Советской власти, я узнал деспотические и

контрреволюционные замыслы церковных верхов и после этого решил бросить служение богу, что теперь и сделал, снявши рясу. Приношу раскаяние Советской власти в том, что я, хотя и бессознательно, на несколько лет оставил своих братьев крестьян и был в среде тех, которые считают «простой» народ только рабочей силой, необходимой для их обогащения. Попы употребляли для этого все средства, запугивая народ разными страхами и суевериями.

Желая загладить свою вину, я прошу Судогодский УИК исходатайствовать мне перед Центральной властью права гражданства, принадлежащие по конституции трудящимся, чтобы я мог, под руководством Соввласти, приложить свои силы на укрепление мощи страны.

К сему подписуюсь, проживающий в с. Мошке, гр. Алексей Барашков» [116].

Очевидно, что в этом заявлении Алексей Барашков отрекается и от веры («религиозных убеждений»), и от принадлежности к духовенству, которое якобы заявителю было «противно и чуждо», а также подчёркивает, что, будучи священником, занимался «полезной для страны» работой, служа счетоводом в кооперативе, то есть отмечает свою принадлежность к «трудовому народу». Заявление изобилует типичными формулами официальной риторики тех лет: «контрреволюционные замыслы церковных верхов», «под руководством Соввласти», «укрепление мощи страны». Поэтому об истинных мотивах отречения Алексея Барашкова от сана можно лишь догадываться: то ли его обложили непомерным индивидуальным налогом, то ли он хотел дать своим детям возможность получить среднее или высшее образование.

Из Судогды заявление Барашкова было направлено во Владимир, в административный отдел Владимирского губернского исполнительного комитета, где рассматривались дела о восстановлении в гражданских правах [22, с. 3, 31]. Заявление было поддержано Судогодским уездным

исполкомом, ячейкой партии большевиков села Мошок и даже местным отделом Государственного политического управления. Но, несмотря на это, губернский административный отдел решил, что «предоставление избирательных прав гражданину БАРАШКОВУ является преждевременным, как лицу не проявившему никаких заслуг перед Советской властью, кроме вреда, в продолжение 8-ми лет» его служения в духовном сане. Своё мнение губернский административный отдел изложил в официальном письме от 21-го ноября 1924 года, направленном в Президиум Владимирского губисполкома [Приложение А], который на заседании 2-го декабря того же года постановил: «Согласно с заключением Губернского Административного Отдела в восстановлении в гражданских избирательных правах – гражданина БАРАШКОВА А. В. – ОТКАЗАТЬ» [Приложение Б].

Из Мошка Алексей Васильевич Барашков переехал в посёлок Андреево Судогодского района. Работал бухгалтером. Арестован 6-го ноября 1937 года, осуждён к расстрелу. [116].

БОБКОВ АЛЕКСЕЙ. Некоторые источники содержат информацию о священнике Алексее Бобкове, который служил в селе Мошок и был репрессирован в 1930-е годы. Среди этих источников, во-первых, биографический справочник «За Христа пострадавшие в земле Владимирской», выпущенный Александровским Свято-Успенским епархиальным женским монастырём в 2000 году [90, с. 27]; во-вторых, страница на сайте Православного Свято-Тихоновского Богословского Университета «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» [90, с. 27], в-третьих, справка об истории Успенского храма, составленная Н. В. Белицыной [98]. Однако в двухтомном справочнике: «Боль и память: Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области» / Сост. Семёнов А. И. и др. Т. 1. – Владимир: Фолиант, 2001. 524 с. Т. 2. – Владимир, 2003. 511 с. – среди

духовенства и мирян, арестованных в Мошке осенью 1937 года, священник Алексей Бобков не значится. Можно высказать осторожное предположение, что сведения о нём, впервые появившиеся в указанном выше справочнике «За Христа пострадавшие», и воспроизведённые впоследствии в других источниках, неточны. Они восходят к устным сообщениям [90, с. 27], в которых, видимо, просто до неузнаваемости искажена фамилия священника, и под именем Алексея Бобкова вполне может выступать бывший священник Алексей Барашков.

КОСАТКИН ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ <?> По всей вероятности, был сыном пономаря Алексея Алексеевича Косаткина, который по увольнении за штат жил и скончался в Мошке [61, с. 435].

Согласно разрядным спискам воспитанников Владимирской духовной семинарии, 1888/89 учебный год завершил по первому разряду (третьим в разрядном списке) [33, с. 399], а по результатам годичных испытаний (ежегодных экзаменов) за 1889/90 и 1890/91 годы был первым учеником [34, с. 283; 35, с. 313].

Окончил семинарию в 1892 году и как первый ученик был назначен в число студентов Казанской духовной академии [36, с. 289].

К началу 1889 года служил священником в селе Подберезье Владимирского уезда (ныне Суздальского района) [11, с. 27].

24-го января 1899 года архиепископом Владимирским и Суздальским Сергием (Спасским) награждён скуфьёй [11, с. 27], а в 1904 году ко дню рождения императора Николая II (19 мая) удостоен Синодом награждения камилавкой. В начале 1900-х годов перемещён в село Мошок [68, с. 94].

В 1910 году «за заслуги по духовному ведомству» награждён золотым наперсным крестом [52, с. 129], а в 1914 году – орденом святой Анны III степени за то, что двенадцать лет подряд усердно исполнял одну из должностей, указанных в орденском статусе [8, с. 122; 108]. Поскольку во

«Владимирских епархиальных ведомостях» не отмечено, что отец Василий занимал должность благочинного, члена духовной консистории, епархиального попечительства о бедных духовного звания или семинарского правления, можно предположить, что он входил в состав правления Муромского духовного училища.

5-го июня 1911 года, когда викарий Владимирской епархии, епископ Муромский Евгений (Мерцалов), совершая инспекционную поездку по Меленковскому и Судогодскому уездам, прибыл в Мошок, священник Василий Косаткин обратился к архипастырю с приветственным словом и совершил вместе с ним молебен Пресвятой Богородице [76, с. 626 – 632].

Согласно воспоминаниям прихожанки Успенского храма Антонины Григорьевны Малинкиной, отец Василий служил в Успенском храме и в 1930-х годах [68, с. 110]. Данные о времени и месте его кончины и погребения пока не обнаружены.

НЕВСКИЙ АРКАДИЙ СТЕПАНОВИЧ. Родился 10-го января 1890 года в селе Старое Заозерье Владимирского уезда (ныне село Воскресенское Камешковского района) в семье диакона Степана Невского. Известно, что у Аркадия Невского было два брата. Александр, который родился 16-го апреля 1884 года; в 1909 году окончил Владимирскую духовную семинарию; служил учителем в церковно-приходской школе села Крутово Покровского уезда (ныне Петушинского района); в 1925 году был священником в селе Иналово Юрьевского уезда (ныне Юрьев-Польского района). Второй брат – Леонид родился 21-го июля 1887 года; окончил Владимирскую духовную семинарию в 1908 году; поступал в Харьковский ветеринарный институт [115].

В 1901 году Аркадий Невский поступил во Владимирское духовное училище [41, с.215]. Первый и второй классы окончил по второму разряду [41, с. 221; 42, с. 247]. После годичных испытаний за третий класс был допущен к переэкзаменовке по греческому и латинскому языкам, но остался

в третьем классе «на повторительный курс», то есть на второй год [43, с. 288], и перешёл в четвёртый класс лишь в 1904 году [44, с. 301]. В 1905 году не сумел сдать устный и письменный выпускные экзамены по русскому языку с церковнославянским, переэкзаменовку не выдержал и был ещё раз оставлен на второй год «по малоуспешности» [45, с. 299].

В 1906 году окончил духовное училище и был зачислен в число воспитанников Владимирской духовной семинарии, где учился в одном классе с Василием Анисовым. Четвёртый и пятый классы семинарии Аркадий Невский окончил по второму разряду, но после годичных экзаменов за пятый класс его имя стояло уже в списке воспитанников-перворазрядников [37, с. 188 – 189; 38, с. 188]. 1912 году окончил Владимирскую духовную семинарию по первому разряду со званием студента [40, с. 134; 115].

17-го сентября 1913 года определён на псаломщицкое место в село Рясницыно, Александровского уезда (ныне Киржачского района) [12, с. 324], а 9-го декабря того же года перемещён в село Петровское на Уводи, Ковровского уезда (ныне село Петровское Лежневского района Ивановской области) [3].

В 1914 году сочетался церковным браком с дочерью священника Екатериной Николаевной Фестинатовой. Таинство браковенчания совершил в Никольском храме села Новое Ковровского уезда (ныне того же района) брат невесты – священник упомянутого храма Сергей Фестинатов, впоследствии архиепископ Владимирский и Суздальский Онисим († 1970) [91, с. 64]. Предположительно в том же году был рукоположён в сан священника [115].

Служил на приходе Покровского храма села Якимово Ковровского уезда (ныне того же района). 24-го сентября 1915 года был уволен за штат в связи с поступлением в Московскую духовную академию [5, с. 647].

22-го апреля 1918 года определён на священническое место к храму Уршельского стеклозавода (ныне посёлок Уршельский Гусь-Хрустального района). С 1918 по 1936 год, как и всё духовенство, был лишён избирательных прав. В 1922 году служил в Екатерининском соборе города Судогды, проживал в доме Кузнецова на Никольской улице [с. 110].

К 1937 году был священником Успенского храма в селе Мошок. 6-го ноября 1937 года был арестован органами НКВД. Приговорён к десяти годам исправительно-трудовых лагерей [115; 116]. Дальнейшая судьба неизвестна.

В 1989 году реабилитирован прокуратурой Владимирской области за отсутствием в его действиях состава преступления [115].

3.2. Диакон

БЕРСТНЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ. Родился 13-го февраля 1885 года в селе Аньково Юрьевского уезда Владимирской губернии (ныне Ильинского района Ивановской области).

Окончил сельскую школу и девятимесячные курсы псаломщиков.

С 1908 по 1916 год проходил диаконское служение. С 1916 по 1918 год находился на военной службе.

С 1918 по 1923 год служил диаконом в Успенском храме села Мошок [99; 111].

С 1923 года крестьянствовал, занимался сельским хозяйством [111].

С 1923 по 1929 год был лишён избирательных прав как «бывший служитель религиозного культа» [99].

По всей видимости, сан диакона Василий Берстнев сложил с себя в 1923 году, а в 1929-ом, когда началась коллективизация, был восстановлен в гражданских правах, после чего вступил в колхоз. Но в 1931 и в 1933 годах исключался из колхоза и поэтому как единоличник дважды получал так называемое «твёрдое задание» по хлебозаготовкам [99], то есть облагался высоким сельскохозяйственным налогом, который, как правило, превышал возможности единоличного крестьянского хозяйства.

В 1937 году проживал в селе Мошок и был членом правления колхоза имени Двенадцатой годовщины Октября.

15-го августа 1937 года арестован Судогодским районным отделением НКВД. Обвинён в проведении антисоветской и контрреволюционной агитации среди колхозников.

26-го сентября того же года «тройкой» управления НКВД СССР по Ивановской области приговорён к расстрелу.

28-го сентября приговор приведён в исполнение в городе Иваново.

17-го августа 1957 года реабилитирован Владимирским областным судом [99].

3.3. Псаломщики

ГЕРАСИМОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ. Родился в 1903 году в селе Мошок и проживал там же. Был псаломщиком Успенского храма. Арестован 28-го ноября 1937 года. Осуждён на десять лет лишения свободы [90, с. 32; 102; 116].

ГЕРАСИМОВ ФИЛИПП НИКИФОРОВИЧ. Родился в 1872 году в селе Мошок и жил там же. Был псаломщиком Успенского храма. Состоял в колхозе. Арестован 28-го октября 1937 года. Приговорён к десяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях [103; 104; 116].

Таким образом, практически все клирики и причетники, проходившие служение в Успенском храме села Мошок (семь человек) в период богоборческих гонений на Церковь, подвергались репрессиям в 1928 – 29 и в 1937 годах, даже те, кто сложил с себя духовный сан. Сведения о датах кончины и посмертной реабилитации известны только для двоих. Надеемся, что эти сведения будут получены. Хотя, как уже отмечалось в научной литературе, посвящённой истории Церкви на территории нашего региона, управление ФСБ по Владимирской области, к сожалению, временно ограничило исследователям доступ к материалам, хранящимся в архиве указанного управления. Причём – невзирая на то, что с многих дел уже снят гриф секретности за истечением срока давности, и они «наверняка могли бы дополнить картину проведения антирелигиозной политики». [110].

ГЛАВА IV. СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВАСИЛИЙ АМЕНИЦКИЙ, ПРЕСВИТЕР († 20 АВГУСТА 1937) – УРОЖЕНЕЦ СЕЛА МОШОК

В настоящее время в Успенском храме ежегодно отмечается день молитвенной памяти священномученика Василия Аменицкого († 20 августа 1937) – уроженца села Мошок. Опубликованные сведения о нём фрагментарны, а иногда содержат неточности (например, утверждается, что он был сыном «священника-поляка» [96]). Необходимостью уточнить и дополнить информацию о почитаемом в Мошке новомученике и вызвано включение этой главы в настоящую работу. Составленное нами по большей части» на основании «Владимирских епархиальных ведомостей» и помещённое ниже жизнеописание святого Василия (Аменицкого) выдержано не в строго научном, а в ораторско-проповедническом стиле. Поскольку это даёт возможность практического использования предлагаемого текста: его можно читать либо накануне дня памяти святого (за всеобщим бдением по шестой песни канона), либо в самый день праздника (как проповедь).

Жизнеописание священномученика Василия (Аменицкого)

«Жития угодников Божиих, – говорят нам святые отцы, – сиянием своим подобны звёздам. И удивляемся мы тому свету добра, который исходит от святых, ибо силе этого света не положены пределы земные: озаряет он всю Вселенную; и просвещают нас жития святых, и дивимся мы той славе, которую даёт Бог угодникам Своим»[60, с. 2].

Ныне, дорогие братия и сестры, свершаем мы память одного из таких угодников Божиих – священномученика Василия Аменицкого, пресвитера, которому судил Господь запечатлеть незыблемое стояние в истинной вере страдальческой кончиной и стяжать венец нетленный в Царствии Небесном.

Священномученик Василий родился 19-го февраля 1872 года в селе Мошок, Судогодского уезда Владимирской губернии, от родителей

благочестивых – иерея Алексея Аменицкого и его супруги, которая была дочерью служившего в Мошке священника Тимофея Фальковского [68, с. 46].

Младенец был крещён с наречением имени в честь преподобного Василия исповедника, претерпевшего в восьмом веке гонения за исповедание православия.

Об отце будущего священномученика надлежит сказать особо. Более сорока лет нёс иерей Алексей Андреевич Аменицкий священническое служение в Свято-Успенском храме села Мошок. Был он замечательным проповедником и отличался особым искусством составлять поучения для народа. Он произносил их во все воскресные и праздничные дни, открывая своей пастве истины православного вероучения и наставляя её в христианских добродетелях. Правящий архиерей Владимирской епархии не раз преподавал отцу Алексею благословение за «успешное проповедание Слова Божия» [19, с. 241; 20, с. 261].

Помимо того, отец Алексей усердно исполнял обязанности законоучителя в Мошюкской сельской школе, неустанно заботясь о духовном просвещении крестьянских детей и воспитании их в правилах святой веры, добра и честности [75, с. 372 – 380].

Но не только этим известен был священник Алексей Аменицкий. Во второй половине XIX столетия он принял на себя нелёгкий и кропотливый труд по составлению подробной «Церковно-приходской летописи Успенской церкви села Мошок». Письменных источников для составления этой летописи было крайне мало, данные о священнослужителях скудны и отрывочны, а восходящие к древности исторические сведения носили характер устных преданий. Однако даже на этом материале отцу Алексею удалось создать такую приходскую летопись, которая не утратила своей научной и церковно-исторической ценности до наших дней. Смиранный

сельский пастырь, можно уверенно сказать, совершил настоящий исследовательский подвиг [61].

Некоторое время священник Алексей Аменицкий был благочинным одного из церковных округов Судогодского уезда, то есть представителем духовной администрации, который отечески наблюдал за духовенством и обеспечивал неукоснительное исполнение всех распоряжений правящего архиерея.

Прилежал отец Алексей и делу христианского милосердия. Ежегодно жертвовал он в различные благотворительные учреждения: и в Приют престарелых и неизлечимо больных [27, с. 284], и в Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Муромского духовного училища [54, с. 491; 55, с. 651; 56, с. 56, 59; 57, с. 46; 58, с. 15, 18.]. Вносил он также пожертвования в Православное Миссионерское Общество, которое занималось благим делом христианского просвещения среди языческих народов, живущих не только в России, но и за её пределами – в Японии и в Северной Америке [68, с. 40 – 41]. Трудился он и при устройстве чтений и беседований о Святой Земле, внося свою лепту на нужды Православного Палестинского Общества [24, с. 220; 25, с. 222]. Это Общество облегчало русским паломникам путь ко Гробу Господню и содержало в Палестине более ста школ и несколько больниц, где безвозмездно оказывалась врачебная помощь как паломникам из России, так и бедному туземному населению.

Стоит также отметить, что во время русско-японской войны 1904 – 1905 годов, когда в результате неожиданного нападения российская эскадра у Порт-Артура была полностью уничтожена, священник села Мошок Алексей Аменицкий одним из первых отправил пожертвование в созданный тогда особый благотворительный Комитет [53, с. 426]. Беда, постигшая Родину, вызвала у доброго пастыря горячее желание оказать немедленную помощь.

В 1905 году священноначалие удостоило священника Алексея Аменицкого награждения золотым наперсным крестом [7, с. 250 – 251].

Высокий пример благочестивого отца – доброго пастыря, усердного в церковном служении и в делах милосердия и благотворительности, с малых лет вдохновлял Василия Аменицкого. Отрок не мыслил для себя иной стези, кроме той, по которой шли его предки, принадлежавшие к духовному сословию уже не в первом поколении. Наследственная фамилия Аменицких, образованная от слова «аминь» (то есть: «истинно»), относилась к разряду особых «семинаристских фамилий», которые присваивались воспитанникам духовных учебных заведений [73, с. 169 – 172].

Фамилию «Аменицкий» носили многие известные во Владимирской епархии церковные деятели: первый начальник Муромского духовного училища – священник Георгий Аменицкий; настоятель Предтеченского храма в Муроме – протоиерей Александр Аменицкий [77, с. 518 – 519], а также священник Нерукотворного образа Спаса в селе Дедово, Муромского уезда, Александр Аменицкий – замечательный проповедник, поучительные слова которого не раз публиковались во «Владимирских епархиальных ведомостях» [68, с. 61].

В 1882 году Василий Аменицкий поступил в Муромское духовное училище. По итогам июньских испытаний за 1884 – 1885 учебный год он был оставлен в третьем классе «на повторительный курс» [46, с. 352]. Произошло это потому, что именно в третьем классе духовного училища начиналось преподавание латыни и греческого. Многим мальчикам древние языки давались с большим трудом. И случаи, когда священники и диаконы забирали своих детей из училища, не были редкостью. Но, проявив похвальную старательность и прилежание, Василий успешно завершил в 1887 году полный училищный курс и был удостоен перевода в первый класс Владимирской духовной семинарии [47].

Окончив четыре класса семинарии, летом 1891 года он вернулся в родное село. В этом году Россию посетило такое страшное общенародное бедствие, как голод. В результате ужасной засухи и неурожая голодали жители семнадцати губерний с населением тридцать шесть миллионов человек. И Православная Российская Церковь немедленно призвала своих верных чад к помощи голодающим. Осенью того же 1891 года храм в селе Мошок был открыт ежедневно со времени окончания поздней литургии до начала вечерни. В храме принимались натуральные пожертвования: мукою, зерном, сухарями и другими продуктами [30, с. 427 – 428]. Василий Аменицкий в это время помогал причту Свято-Успенского храма села Мошок в сборе пожертвований и вместе с духовенством и псаломщиками своей приходской церкви заслужил от Владимирского архипастыря «глубокую благодарность за особое сочувствие к пострадавшим от неурожая» [21, с. 525 – 526].

Живя в Мошке, Василий Аменицкий, горячо любивший православное богослужение, читал и пел на клиросе, помогал своему отцу, ставшему к тому времени настоятелем Успенского храма, при совершении служб и на практике изучал положения церковного Устава. Достигнув двадцати одного года – возраста гражданского совершеннолетия, он был назначен псаломщиком в погост Никологорье Вязниковского уезда (ныне посёлок Никологоры Вязниковского района). Хотя Никологорье и называлось, по старой памяти, погостом, оно к тому времени было большим и многолюдным торгово-фабричным селом [64, с. 327]. Храмов в Никологорском приходе было целых три. Главный – во имя Святителя Николая Чудотворца, приписной – Христо-Рождественский, и кладбищенский храм в честь Преображения Господня [48, с. 92]. Обладавший прекрасным голосом и музыкальным слухом, Василий Аменицкий стал на приходе регентом и управлял церковным хором, стройное и благоговейное пение которого во

время богослужений поддерживало в прихожанах глубоко молитвенное настроение [96].

Некоторое время спустя псаломщик Василий Аменицкий вступил в церковный брак и вместе со своею женой, которая, как полагают, происходила из духовной среды, являл достойный образ истинно-христианского супружества, основанного на началах взаимной любви, единения и трогательного попечения друг о друге. Впоследствии в их семье, которая была поистине малой домашней церковью, воспитывалось, в духе набожности, добронравия и христианской нравственности, шестеро детей [94, с. 79 – 81].

В конце ноября 1905 года псаломщик Василий Аменицкий был определён на диаконское место в село Шапкино, Ковровского уезда (ныне Савинского района Ивановской области) [12, с. 486]. И 27-го ноября того же года, в воскресенье, на праздник в честь иконы Божией Матери, именуемой «Знамение», был рукоположён в сан диакона к Богородице-Рождественскому храму села Шапкино.

Вознося за богослужениями молитвы пред Господом о прихожанах Богородице-Рождественского храма и назидая их внятным чтением святого Евангелия, диакон Василий Аменицкий проходил своё служение ревностно и добросовестно.

В селе Шапкино существовала церковно-приходская школа, имевшая собственное помещение [63, с. 287]. И поскольку штатные диаконы сельских приходов Владимирской епархии обязаны были тогда совмещать служение Церкви с исполнением преподавательских обязанностей, отец Василий учил крестьянских детей чтению, письму и святым молитвам [59, с. 294 – 295; 16, с. 3].

8-го февраля 1909 года, в Прощёное воскресенье, диакон Василий Аменицкий был рукоположён во священника к Михайло-Архангельскому храму села Бибирево, Переславского уезда Владимирской губернии (ныне

Переславского района Ярославской области). Чин священнической хиротонии за Божественной литургией в Богородице-Рождественском соборе города Мурома совершил викарий Владимирской епархии – епископ Муромский Евгений (Мерцалов) [9, с. 132]. Ревностно исполняя свой пастырский долг, священник Василий Аменицкий заслуженно стяжал у жителей села Бибирево искреннее доверие и почтительную любовь. Он не только заботился о духовных нуждах прихожан, но, как и прежде, учил крестьянских девочек и мальчиков в сельской школе. Преподаявая Закон Божий, отец Василий вселял в детские сердца молитвенный дух, благоговейное отношение к христианским святыням и к непреходящим истинам православной веры. Он лично наблюдал за религиозно-нравственным воспитанием учащихся и постоянно осознавал глубокую ответственность пред Богом за вверенные его пастырскому руководству души [29, с. 123 – 124].

Когда, с приходом большевиков к власти, в нашей стране начался период гонений на Церковь Христову, отца Василия, как и всё православное духовенство, лишили гражданских прав. Он не имел права голоса, утрачивал возможность занимать какие-либо ответственные должности, не мог быть поручителем или опекуном, а также получать пенсию или пособие.

На оставленном ему после конфискации церковных земель участке отец Василий в поте лица трудился вместе с семьёй. Они своими руками выкорчёвывали пни, освобождая участок под запашку, и, возделывая его, выращивали рожь, пшеницу, картофель [96].

В 1930 году богоборческие власти решили, в связи с образованием в селе Бибирево колхоза, закрыть Богородице-Рождественский храм. Отцу Василию предлагали сложить священный сан. Только в этом случае ему, по тогдашним законам, могла быть предоставлена возможность вступить в колхоз и заниматься земледелием. О сложении с себя сана пастырь должен был всенародно заявить либо в храме, либо в местной газете [106]. И,

естественно, отец Василий считал подобное публичное отступничество равносильным духовной гибели, памятуя евангельские слова Господа: «Кто отречётся от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. X, 33).

Духовенство в то время автоматически относили к «кулакам», подлежащим ликвидации. Не миновала эта участь и отца Василия. После образования колхоза ему как единоличнику дали так называемое «твёрдое задание». По размерам оно многократно превышало реальные возможности его небольшого хозяйства. Уплатить этот разорительный налог, который митрополит Сергей (Страгородский), будущий Патриарх, справедливо назвал тогда «особым налогом на веру» [66, с. 22], отец Василий был не в состоянии. И у него отобрали всё имущество, а самого его заключили в тюрьму города Переславля-Залесского. Но совершеннолетние сыновья батюшки сумели вызволить отца из тюрьмы. Храм в Бибиреве властям в 1930-х годах закрыть не удалось. Даже после того, как отец Василий был переведён на другой приход, набожные жители села, помня наставления своего доброго пастыря и храня преданность Церкви Христовой, отстаивали свой приходской храм вплоть до 1940 года.

В апреле 1930 года отец Василий стал священником Свято-Троицкого храма села Ефимьево (ныне Переславского района Ярославской области). Вскоре он был возведён в сан протоиерея. В Ефимьеве отец Василий жил вместе с матушкой в маленькой церковной сторожке. Он всё так же ревностно исполнял свой пастырский долг, совершая богослужения и исполняя по просьбам прихожан духовные требы. Отец Василий осознавал, что вскоре и ему предстоит разделить горькую земную участь тех православных пастырей, что томились в тюрьмах, страдали в лагерях или уже приняли мученическую кончину. Но отца Протоиерея духовно укрепляли святые молитвы и пример того угодника Божия, имя которого он носил, – преподобного Василия исповедника. В известном батюшке с

детских лет житии этого святого говорилось, что преподобноисповедник Василий был «много мучен», и, «в темницу ввержен, пребысть во узах время не мало», но «истину проповедаше даже до смерти» [60, с. 1001].

В воскресный день, 17-го октября 1937 года, отца Василия арестовали и заключили в Ярославскую тюрьму. Одновременно с ним под стражу были взяты и другие представители духовенства из разных сёл Переславского района. Гонители решили сфабриковать следственное дело о некоей «церковно-монархической организации», которой в действительности никогда не существовало. Отцу Василию предъявили обвинения в принадлежности к этой вымышленной организации, в «развале колхозов», а также «в религиозной обработке молодёжи и детей-школьников». На допросе батюшка держался стойко и мужественно. Он решительно отверг все несправедливо возводимые на него наветы и виновным себя не признал. Особый внесудебный орган, который выносил приговоры заочно, без защитников и в отсутствие самого обвиняемого, приговорил отца Василия к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Батюшку отправили в Байкало-Амурский лагерь на строительство железной дороги.

Там, в заключении, он и принял мученическую кончину 20-го августа 1938 года, на попразднство Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

В двухтысячном году Архиерейский юбилейный Собор Русской Православной Церкви прославил священномученика Василия Аменицкого, пресвитера, в лике Новомучеников и исповедников Российских.

Церковное песнопение, прославляющее сонм Новомучеников, к которому причислен и святой Василий Аменицкий, гласит: «Днесь новомученицы Российской в ризах белых предстоят Агнцу Божию и со Ангелы песнь победную воспевают Богу».

И как одежда Господа во время славного Его Преображения «сделалась белою, блистающею» (Лк. IX, 29), точно так же и святые, принявшие

мученическую кончину, «убелили», по словам апостола, «одежды свои» (Откр. VII, 14) и ныне – мы верим – предстоят Престолу Пренебесному как неустанные ходатаи пред Господом о земле нашей и людях её. В этом бесчисленном сонме угодников Божиих сияет и тот святой, чью память мы ныне свершаем, уроженец села Мошок, священномученик Василий Аменицкий, его же молитвами, Боже, помилуй нас. Аминь.

ГЛАВА VI. КОНСЕРВАЦИЯ ХРАМА КАК ПАМЯТНИКА «КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ» (1977 – 1986)

Известно, что в 1928 году Главнаука, то есть научная секция народного комиссариата просвещения, решила, что главным критерием, по которому нужно определять принадлежность того или иного строения к памятникам истории и культуры, должна служить дата постройки. Сооружения, возведённые до 1613 года, объявлялись неприкосновенными. Те, которые были построены в период с 1613 до 1725 года, разрешалось в случае необходимости подвергать изменениям. У относящихся к 1725 – 1825 годам можно было сохранять одни фасады. А всё, что было построено после 1825 года, памятниками не считалось и государственной охране не подлежало.

Но в 1976 году в стране был принят «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры», согласно которому государство брало под охрану все памятники истории и культуры, «находящиеся на территории СССР». И уже на следующий год Владимирская специальная экспериментальная научно-реставрационная производственная мастерская начала подготовку к работам по консервации Успенского храма [68, с. 116].

В первую очередь сотрудники мастерской занялись оформлением необходимой документации. 15-го января 1978 года была составлена учётная карточка [Здесь и далее до конца главы см. Приложение В].

На её лицевой стороне содержались общие сведения о расположенном в селе Мошок Судогодского района Владимирской области «недвижимом» памятнике истории и культуры – церкви Успенской. Памятнику присвоили типологический индекс 3.4, указывающий на то, что Успенский храм является «памятником культовой архитектуры». Было отмечено, что памятник датируется 1802 – 1815 годами; не используется; техническое состояние его плохое; утверждённой охранной зоны вокруг него нет. Но паспорт памятника составлен, сделаны фотографии, произведены обмеры,

памятник учтён республиканским и местным органами охраны, а работы на нём будут осуществлять местные реставрационные мастерские. Лицевая сторона учётной карточки была заверена двумя подписями: составителя карточки – научного сотрудника реставрационной мастерской Гладкой М. С. и инспектора по охране памятников Смирновой Г. Н.

А на оборотной стороне содержалось краткое описание храма:

«Церковь стоит в середине села на площади, у автотрассы «Владимир – Муром», проходящей через главную улицу села.

Постройка крупномасштабная. Имеет храм, трапезную, колокольню. Господствует завышенный основной объём в общей композиции, конструкция которого «восьмерик на четверике под сомкнутым восьмилотковым сводом со световым барабаном. Объём таким образом четырёхсветный, высокий просторный. Апсида пятигранная. Свод-конха с распалубками над окнами и тремя лотками. Трапезная двухстолпная, трёхнефная, обширная. Каждый из нефов перекрыт коробовым сводом с лотками на запад и распалубками от арок. Колокольня трёхъярусная. Завершена вазой. Каждый из ярусов четырёхгранный. Все равны по высоте.

Памятник культового зодчества рубежа XVIII-XIX вв. с чертами переходной архитектуры от барокко к классицизму».

Слева от описания была помещена фотография Успенского храма с юго-восточной стороны.

18-го января 1978 года М. С. Гладкая составила паспорт Успенской церкви как памятника архитектуры.

В том подпункте паспорта, где требовалось указать «утраты, изменившие первоначальный облик памятника», говорилось, что здание памятника «запущено»; «утрачены оконные и дверные заполнения и кровля трапезной»; утрачена церковная ограда, сохранились только её западные ворота; а интерьер храма «нарушен полностью».

Подробное научно-архитектурное описание памятника, содержащееся на третьей странице паспорта и на листе-вкладыше, также рисовало плачевную картину состояния храма: «Полы во всех помещениях нарушены. <...> Дверные заполнения не сохранились».

Техническое состояние строительных конструкций храма и покрытий, стен и потолков, пола и декора фасадов паспорт оценивал как «плохое», а состояние интерьеров – как «аварийное».

Паспорт сообщал также, что под охраной Успенский храм не состоит, поэтому ни границы охранной зоны, ни границы зоны допустимой застройки для него не установлены.

К паспорту прилагались фотографии храма, сделанные в 1977 году упомянутой выше М. С. Гладкой: фото общего вида (с севера, с северо-запада, с юго-востока, с юго-запада) и фотоснимки фрагментов храма, в том числе окна основного объёма с южного фасада, а также сторожки и колокольни с юга.

А ещё к паспорту были приложены графические документы. Генеральный план, на котором изображения самого храма, ворот и сторожки были даны на топографическом плане местности. И обмерный план Успенского храма. Чертежи обоих планов выполнил М. Рябинюк согласно обмерам, произведённым Г. Бойковой и М. Гладкой.

Паспорт памятника в подпункте о реставрации сообщал: «Реставрационных работ не производилось. В 1978 – 79 гг. предполагается провести консервационные работы».

Работы по консервации памятника велись в течение семи лет – с 1979-го по 1985-й год включительно. В 1986 году Владимирское специальное экспериментальное научно-реставрационное производственное управление «Владимирреставрация» составило «Отчёт о проведённых работах по консервации памятника».

Консервация осуществлялась следующим образом.

В 1982 году было проведено предпроектное инженерное обследование Успенского храма. В составлении проекта работ принимали участие: архитектор М. М. Субботина, научно-технический руководитель объекта инженер Э. Я. Ершов и техник О. О. Щёлоков [68, с. 123].

В 1984 году В. Голубцовым и С. Артамкиным сделаны обмерные чертежи храма.

Чтобы предотвратить дальнейшее разрушение здания храма, при консервации решено было провести, в частности, следующие работы. Полностью заменить металлическое покрытие главы над основным объёмом храма, починить барабан и кровлю. Восстановить выкрошенные части стен, а также заложенные и переделанные дверные и оконные проёмы первого этажа и арочные проёмы колокольни. Восстановить решётки в окнах первого и второго этажей. Закрыть оконные проёмы изнутри деревянными щитами, а дверные – заложить кирпичной кладкой толщиной в один кирпич. Убрать изнутри весь мусор, а полы засыпать песком. Укрепить цокольную часть входных ворот ограды и закрепить выветрившиеся кирпичи, чтобы предотвратить обрушение ворот. А прихрамовую территорию выровнять, и сделать вокруг храма отмостку.

Но позже в первоначальный проект были внесены следующие изменения. Решётки на окнах решили не восстанавливать, а просто заложить оконные проёмы кирпичной кладкой. При консервации памятников это допускалось, чтобы ускорить сроки выполнения работ. Обнаруженная наверху колокольни ротонда из шести колонн, обшитая в конце XIX века железом, чтобы не осыпалась штукатурка [61, с. 330], была приведена в первоначальный архитектурный вид. А нижние пролёты колокольни зашили с боков досками. Были восстановлены отсутствовавшие стропильные системы над тёплым храмом и алтарной апсидой холодного храма. Как и планировалось, дверные проёмы были заложены кладкой в один кирпич, мусор из храма вынесен, а полы засыпаны песком. Деревянный крест над

летним храмом обили оцинкованным железом и прочно закрепили в гнезде. У входных ворот ограды, в соответствии с планом, укрепили цокольную часть и восстановили выветрившиеся кирпичи. Были проделаны и другие работы. В целом же консервация памятника включала в себя целый комплекс мер по реконструкции, ремонту, реставрации храма и благоустройству его охранной зоны.

Общая сумма расходов на проведение консервации Успенского храма составила 121,2 тысяч рублей. Государственная комиссия приняла работы с общей оценкой «хорошо». Но предписала побелить карниз колокольни и установить в колокольне входную дверь.

В отчёте о консервационных работах содержались фотоснимки храма, сделанные до производства работ (южный фасад, юго-западный фасад, центральная часть западной ограды, фрагмент северного окна), и по их завершении (юго-восточный фасад, северо-восточный фасад, фрагмент колокольни, фрагмент северного фасада колокольни). Изменения к лучшему были представлены наглядно.

Однако храм, находившийся на балансе Мошокского сельсовета, по сути, не имел ни рачительного хозяина, ни даже заботливого пользователя. Были планы приспособить храм под библиотеку или школу искусств. Но планы эти так и остались нереализованными: слишком много требовалось средств на ремонт храма изнутри, а также на отопление. Местные жители проникали в пустующий храм, разводили в нём костры, расхищали остатки стройматериалов, и храм постепенно вновь приобретал запущенный вид [68, с. 126].

Становилось понятно, что в храм должна вернуться его подлинная – богослужебная жизнь.

1-го октября 1990 года был принят закон «О свободе совести и религиозных организациях». В соответствии с ним приходы получили статус юридического лица. И 25-го октября того же года в Мошке состоялось общее

собрание жителей под председательством протоиерея Георгия Горбачука. Собрание, на котором присутствовало сто два человека, вновь образовало приход Успенского храма села Мошок [68, с. 129].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа в очередной раз подтверждает неразрывную связь истории Успенского храма села Мошок с историей нашего Отечества. К концу 1917 года Успенский храм, построенный в начале XIX столетия, входит в число более чем тысячи с лишним сельских приходских храмов Владимирской епархии. Историки-краеведы конца XIX – начала XX веков сообщают, что святыми иконами, богослужебными книгами и церковной утварью храм снабжён «довольно богато» [68, с. 73]. В храме насчитывается более ста святых икон (в трёх иконостасах и отдельно стоящих). Особо почитаются храмовый образ Успения Пресвятой Богородицы и Казанская Богородичная икона, признаваемая чудотворной и украшенная серебряной позолоченной ризой. Суммарный вес изготовленных из серебра окладов икон и серебряных же богослужебных принадлежностей, находящихся в храме, составляет около тринадцати-пятнадцати килограммов. В число церковных ценностей входят: три комплекта евхаристических сосудов, обложки богослужебных Евангелий, дарохранительницы, кадило и ковшечек. На звоннице храма висит семь колоколов. Успенскому храму принадлежит примерно 323, 4 гектара земель: пахотных, сенокосных и занятых лесом. Большую часть этих земель (65,5%) причт храма сдаёт в аренду крестьянам. В доход причта поступают также проценты с неприкосновенных вкладов, положенных в банк на вечное поминовение родителей вкладчиков. Основные же средства прихода складываются из воздаяний за требы, заказные панихиды и молебны, а также из добровольных пожертвований богомольцев, приезжающих в Мошок во время сельских ярмарок. Такие ярмарки, приуроченные к православным церковным праздникам, в Мошке проводятся шесть раз в год вплоть до начала 1920-х годов.

С приходом к власти большевиков храм в 1917 году лишается всех своих земельных владений и банковских капиталов. Конфискацию храмовых

земель и церковных капиталов, на наш взгляд, следует рассматривать как часть проводимой новыми властями политики ликвидации частной собственности и провозглашения её собственностью «общенародной», иначе говоря, государственной.

Невзирая на объявленную в 1921 году большевиками «новую экономическую политику», разрешавшую частное предпринимательство, конфискационная кампания в отношении Церкви продолжается. Во время голода 1921 – 1922 годов в Поволжье власти под предлогом помощи голодающим начинают кампанию по масштабному изъятию церковных ценностей из храмов. События в Шуе 15-го марта 1922 года, когда во время столкновения верующих с реквизиторами войска открывают стрельбу и гибнут люди, заставляют большевиков временно приостановить изъятие церковных ценностей. Руководство большевистской партии разрабатывает и принимает секретную инструкцию, предписывающую ужесточить кампанию и привести войска в боевую готовность. Тем временем 24-го марта митрополит Владимирский и Шуйский, живший тогда в Нижнем Новгороде, публикует в газете «Нижегородская коммуна» воззвание, обращённое к духовенству и пастве Владимирской епархии. Митрополит призывает тех, у кого есть личные драгоценности, пожертвовать ими и отдать их взамен церковных ценностей, пока власти ещё позволяют это. Принятая властями инструкция об изъятии церковных ценностей от 23-го февраля 1922 года, действительно, допускала подобный обмен, но разработанная 20-го марта Троцким секретная директива о новом порядке изъятия рекомендовала не вести с верующими переговоры о выкупе ценностей [97].

Во Владимирской губернии изъятие церковных ценностей, проводимое после получения директивы Троцкого, проходит без эксцессов. 24-го апреля губернский отдел Государственного политического управления сообщает в Москву, что работа «протекает спокойно» [97]. На территории нашего края, по сообщению того же губотдела ГПУ, перед изъятием, вопреки директиве

Троцкого, широко практикуются предварительные переговоры со священнослужителями как представителями верующих. На этих переговорах, как правило, обсуждается возможность выкупа не только богослужебных сосудов, но и риз особо чтимых икон.

Видимо, поэтому при изъятии ценностей, произведённом в Успенском храме села Мошок, прихожанам оставляют не только полтора комплекта евхаристических сосудов, но не снимают и ризы с особо почитаемых икон: храмового образа Успения Пресвятой Богородицы и Казанской иконы Божией Матери. Правда, за эти ризы и другие предметы храмовой утвари прихожане вносят солидный выкуп – почти тринадцать килограммов серебряных вещей. Кроме того, комиссия по изъятию конфискует из храма полтора комплекта евхаристических сосудов, обложки с богослужебных Евангелий, кадило, четыре напрестольных креста и ковшичек. Общий вес конфискованных предметов составляет около десяти килограммов.

Видимо, прихожане Успенского храма знали о воззвании митрополита Сергия, поэтому и собрали в качестве пожертвований такое количество личных бытовых ценностей. При этом жертвователи, скорее всего, верили, что собранное ими серебро пойдёт на помощь голодающим. Примеры добровольных личных пожертвований во Владимирской губернии многочисленны [61, с. 331]. Подсчитано, что вес серебра, изъятых из Успенского храма и пожертвованных прихожанами села Мошок составил 0,3% от общей массы всего церковного серебра, изъятых по губернии.

Лишение священнослужителей избирательных прав, согласно конституции 1918 года, приводит к тому, что детей лишенцев в начале 1920-х годов исключают из средних школ и лишают возможности поступить в высшие учебные заведения. Помимо этого, в сельской местности, семьи лишенцев облагаются значительными налогами. По всей видимости, наличие именно этих дискриминационных мер вынуждает двух клириков Успенского храма: священника Алексея Барашкова и диакона Василия Берстнева – в 1923

году сложить с себя духовный сан и ходатайствовать перед властями о восстановлении в гражданских правах. Бывшему священнику Барашкову в удовлетворении просьбы отказывают. Бывшему диакону Берстневу, по видимому, тоже (Берстнев был восстановлен в правах лишь в 1929 году).

В 1923 и в 1928 годах священника Успенского храма Николая Астреина дважды привлекают к суду по обвинению в неуплате страховых взносов за наёмных работников. Это свидетельствует о том, что вводимая властями с начала 1920-х годов практика обязательного страхования лиц, работающих по найму, как уже отмечалось исследователями, с трудом приживалась в сельской местности, где господствовали патриархальные отношения и не только наниматели, но и сами работники стремились скрыть факт найма от властей [101].

В 1929 году, когда в стране начинается проведение мероприятий по коллективизации единоличных крестьянских хозяйств, владимирский журнал «Наше хозяйство» публикует статью «Тёмные силы Мошка» с открытым призывом к расправе над священником Успенского храма Василием Анисовым и лицами, его поддерживающими. В результате отца Василия приговаривают к пяти, а шестерых мирян, арестованных 22-го ноября 1929 года, в один день со своим пастырем, – к трём годам лишения свободы.

По всей видимости, эти аресты были предприняты с целью закрытия Успенского храма. Если в храме не было священника, он, по принятому тогда закону, действовать не мог. В связи с коллективизацией закрытие храмов осуществлялось повсеместно. Как правило, одновременно с решением об образовании в селе колхоза принималось и решение о ликвидации храма.

Однако в Мошке, несмотря на арест священника и создание колхоза имени Двенадцатой годовщины Октября, храм в 1929 году ликвидировать не удаётся. В нём продолжает нести служение священник Василий Косаткин. Успенский храм в 1930-х годах посещают не только жители Мошка, но и

бывшие прихожане Никольского храма села Троицкое-Колычёво Селивановского района, где храм был закрыт.

В ходе индустриализации со звонницы Успенского храма в 1935 году снимают шесть из семи колоколов под предлогом того, что промышленность нуждается в металле, испытывает «металлический голод» [87, с. 241]. На самом же деле власти просто решили упразднить колокольный звон по всей стране, а из колокольной меди чеканили мелкую разменную монету. Особенность изъятия колоколов в Мошке состояла в том, что прихожане поначалу сумели всё-таки отстоять один колокол. Причём не только как набатный, для оповещения жителей в случае пожара, но и для богослужебных целей. Последний, седьмой по счёту, колокол был сброшен с храмовой звонницы позже.

В период так называемого «Большого террора» (1937 – 1938) аресты в Мошке проводятся с 11-го августа 1937-го по 29-е апреля 1938 года включительно. Репрессиям подвергают девятнадцать жителей Мошка, среди которых священник Аркадий Невский и псаломщик Александр Герасимов, а также бывший диакон Василий Берстнев. Берут под стражу и бывшего священника Алексея Барашкова, проживающего в соседнем селе Андреево. В отношении одного из двадцати арестованных дело прекращают, восемь человек приговаривают к расстрелу, девятерых – к десяти, одного – к восьми и одного – к пяти годам лишения свободы. При этом бывшего диакона Василия Берстнева, арестованного 15-го августа, и бывшего священника Алексея Барашкова, арестованного 6-го октября, приговаривают к расстрелу, а священник Аркадий Невский, арестованный 6-го ноября, и псаломщик Александр Герасимов, арестованный 28-го ноября, получают по десять лет лагерей. По имеющимся на сегодняшний день сведениям о репрессированных жителях Мошка, к сожалению, невозможно установить личности мирян, пострадавших за веру. Для этого необходимо ознакомиться

со следственными делами всех репрессированных жителей Мошка. Однако, как известно, доступ этим делам временно прекращён.

Показательно, что священник Успенского храма отец Аркадий Невский и псаломщик Александр Герасимов были арестованы не летом 1937-го года, когда Судогодский райотдел НКВД развернул в Мошке массовые репрессии, а осенью, в ноябре, когда наиболее активная фаза этих репрессий была уже завершена. Видимо, это было связано с принятой в октябре 1937 года партийной директивой, которая предписывала НКВД оперативно разгромить церковный «контрреволюционный актив» [69, с. 516].

Но даже после ареста всех членов причта богослужения в Успенском храме продолжают в течение целого года. Их совершают прибывающие в Мошок священнослужители, среди которых, вполне возможно, был и шурин отца Аркадия Невского священник Иван Фестинатов (будущий архиепископ Владимирский и Суздальский Онисим), служивший до 1940 года в селе Заястребье Судогодского района.

Поскольку в качестве повода для ликвидации молитвенного здания обычно использовалось заявление жителей, власти решают такой повод создать. С 21-го по 23-е августа 1938 года некто М. А. Крысин проводит в восьми населённых пунктах Судогодского и Селивановского районов, в том числе и в Мошке, целых девять собраний. Выступая на них, Крысин мотивирует необходимость ликвидации храма тем, что храмовое имущество расхищается, а сам храм нуждается в дорогостоящем ремонте. Иначе говоря, Крысин обвиняет церковный совет в неисполнении требований закона 1929 года «О религиозных объединениях». Согласно положениям этого нормативного акта, прихожане обязаны были беречь здание храма и церковную утварь, которые считались государственным имуществом. А в случае если храм по причине своей ветхости мог полностью или частично обвалиться, богослужения в нём прекращались [50, с. 353].

Крысин собрал около трёхсот голосов в поддержку закрытия храма [79, с. 52 – 53]. Не слишком много, если учесть, что в одном только Мошке жителей было больше тысячи. Но властям этого оказалось достаточно.

2-го сентября 1938 года Мошокский сельский совет принимает постановление: закрыть храм и возбудить ходатайство пред Судогодским райисполкомом о передаче здания в распоряжение колхоза. А 28-го сентября того же года Ивановский областной исполком выносит окончательное решение о ликвидации храма и об использовании его под культурные нужды.

Жители Мошка подают в Ивановский облисполком ходатайство об открытии храма, но оно остаётся без ответа.

Это согласуется с уже сделанным исследователями выводом, что закрытие храмов на территории Ивановской промышленной области происходило, по большей части, в период с 1933-го по 1938-й год [117].

Мы видим, что в рамках проводимых властями общегосударственных кампаний: конфискации имущества, коллективизации, индустриализации, «Большого террора» (ликвидации инакомыслящих) – принимались специфически антицерковные меры. К ним относятся изъятие церковного имущества, закрытие храмов, конфискация колоколов, репрессии против духовенства и преданных Церкви мирян. При этом все конфискационные меры в отношении Церкви власти проводили под фальшивыми предлогами помощи голодающим, обеспечения нужд промышленности, удовлетворения просьб трудящихся о запрете колокольного звона и закрытии храмов. А репрессивные меры демагогически обосновывались необходимостью борьбы с так называемыми «антисоветскими элементами».

Все антицерковные меры принимались, как правило, на основании официально публикуемых нормативно-правовых актов. Но конкретное проведение этих актов в жизнь всегда сопровождалось секретными директивами и инструкциями, подробно регламентировавшими действия, предписываемые местным властям. Тем самым большевистская власть

демонстрировала низкий уровень правосознания, о котором ещё в начале XX столетия писал один из авторов знаменитого сборника «Вехи» правовед и социолог Б. А. Кистяковский: «Как известно, тенденция к подробной регламентации и регулированию всех общественных отношений статьями писанных законов присуща полицейскому государству, и она составляет отличительный признак его в противоположность государству правовому. Можно сказать, что правосознание нашей интеллигенции и находится на стадии развития, соответствующей полицейской государственности» [89, с. 144].

Проведение общегосударственных большевистских кампаний в отношении к Успенскому храму села Мошок имело ряд особенностей. Так, в 1922 году изъятие церковных ценностей в храме не носило жёсткого характера и, по-видимому, благодаря посланию митрополита Сергия (Страгородского), призвавшего паству отдавать личные ценности взамен подлежащего изъятию церковного имущества, прихожане собрали и сдали реквизиторам своё личное бытовое серебро. В период коллективизации, несмотря на арест священника и преданных Церкви мирян, храм не закрыли. Во время конфискации колоколов в 1935 году прихожанам удалось временно сохранить на храмовой звоннице один колокол не только в качестве сигнального, но и для богослужебных целей. Закрытие храма в 1938 году было произведено без учёта мнений большинства жителей Мошка и вопреки документально подтверждённому желанию прихожан сохранить храм как действующий.

Сведения о причте Успенского храма (священниках, диаконе, псаломщиках) в годы гонений на Церковь пока ещё далеки от полноты. Ни для кого из них, за исключением бывшего диакона Василия Берстнева, точно не установлены ни дата кончины, ни место погребения, ни документально подтверждённый факт гражданской реабилитации. С уверенностью можно сказать лишь то, что в период гонений все они подверглись репрессиям, даже

те, кто сложил с себя сан. Как, например, А. В. Барашков (архивные документы о нём содержатся в Приложениях А и Б к настоящей работе).

Уточнённое и дополненное жизнеописание родившегося в Мошке священномученика Василия Аменицкого, пресвитера († 20 августа 1937) составлено как произведение ораторско-проповеднического жанра с учётом использования его за богослужением в день памяти святого.

Анализ материалов о проведённых в 1977 – 1986 годах работах по консервации храма как памятника «культурной архитектуры» (церковного зодчества), доказывает, что история храма не завершилась после его закрытия и что только использование храма по первоначальному назначению способно было уберечь его от повторного возврата к плачевному запущенному состоянию.

С принятием в 1990 году закона «О свободе совести и религиозных организациях» и завершением периода гонений на Церковь богослужебная и приходская жизнь Успенского храма в селе Мошок возобновилась.

Таким образом, рассмотрев историю Успенского храма в широком контексте гонений на Русскую Православную Церковь и решив все учебно-исследовательские задачи настоящей работы, мы получили возможность проследить взаимосвязь между общеисторическим процессом и его частными проявлениями, а также оценить масштаб событий, происходивших в тот период во Владимирской епархии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

- 1) ГАВО. Ф. Р-35. Оп.1. Д. 30: Протоколы заседаний коллегии уездной чрезвычайной комиссии<...>президиума уисполкома, 1919 г., на 986 л.

Опубликованные источники

- 2) Владимирские епархиальные ведомости (далее: ВЕВ – *прот. В. Г.*). 1912. № 30: отдел официальный (далее: о. о. – *прот. В. Г.*). С. 203 – 204.
- 3) ВЕВ. 1913. № 51 – 52: о. о.
- 4) ВЕВ. 1915. № 31 – 32: о. о. С. 208.
- 5) ВЕВ. 1915. № 40: о. о. С. 647.
- 6) ВЕВ. 1918. № 2: о. о. С. 11.
- 7) Высочайшие награды // ВЕВ. 1905. № 10: о. о. С.248 – 251.
- 8) Высочайшие награды // ВЕВ. 1914. № 18: о. о. С. 121 – 122.
- 9) Епархиальная хроника: Из Мурома // ВЕВ. 1909. № 9: о. о. С. 132.
- 10) Епархиальные известия // ВЕВ. 1891. № 8: часть официальная (далее: ч. о. – *прот. В. Г.*). С. 199 – 200.
- 11) Епархиальные известия // ВЕВ. 1899. № 2: ч. о. С. 22 – 27.
- 12) Епархиальные известия // ВЕВ. 1905. № 24: о. о. С. 485 – 486.
- 13) Епархиальные известия // ВЕВ. 1913. № 39: о. о. С. 324.
- 14) Епархиальные известия // ВЕВ. 1914. № 17: о. о. С. 107 – 108.
- 15) Журнал съезда о. о. уполномоченных Муромского духовно-училищного округа от 3 – 4 февраля 1909 года // ВЕВ. 1909. № 13 – 14: о. о. С. 90 – 91.
- 16) Журналы Владимирского епархиального съезда духовенства, бывшего 19 – 24 августа 1909 года // ВЕВ. 1909. № 40: о. о. Приложение. С. 1 – 8.
- 17) Журналы Владимирского Епархиального съезда, бывшего в январе

- 1905 года // ВЕВ. 1905. № 3: о. о. С. 31 – 32.
- 18) Журналы съезда о. о. уполномоченных от духовенства Муромского училищного округа // ВЕВ. 1905. № 7: о. о. С. 159.
 - 19) Извлечение из отчёта Владимирского епархиального комитета для рассмотрения проповедей о проповеднической деятельности во Владимирской епархии за 1883 год // ВЕВ. 1884. № 10: ч. о. С. 240 – 242.
 - 20) Извлечение из отчёта Владимирского епархиального комитета для рассмотрения проповедей о проповеднической деятельности во Владимирской епархии за 1884 год // ВЕВ. 1885. № 9: ч.о. С. 258 – 261.
 - 21) От Владимирского епархиального Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая // ВЕВ. 1891. № 23: ч. о. С. 525 – 526.
 - 22) Отчёт Владимирского губисполкома и его отделов 14-му губернскому съезду Советов (10 декабря 1922 года). – Владимир: Товарищество «Владимирское книгоиздательство», 1922. XII + 392 с.
 - 23) Отчёт о действиях и суммах Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Владимирского духовного училища за 1903 – 1904 г. // ВЕВ. 1905. № 19: о. о. С. 431 – 434.
 - 24) Отчёт о деятельности Владимирского отдела Императорского Православного Палестинского общества // ВЕВ. 1903. № 10: ч. о. С. 217 – 223.
 - 25) Отчёт о деятельности Владимирского отдела Императорского Православного Палестинского общества // ВЕВ. 1904. № 10: о. о. С. 222.
 - 26) Отчёт о приходе, расходе и остатке сиротских сумм Владимирского епархиального попечительства за 1891 год // ВЕВ. 1892. № 16: ч. о. С. 378 – 390.
 - 27) Отчёт о приходе, расходе и остатке сумм Владимирского епархиального приюта для призрения престарелых и неизлечимо

больных // ВЕВ. 1891. № 12: ч. о. С. 284.

- 28) Постановления и распоряжения Владимирского губернского исполнительного комитета. – Владимир: Товарищество « Владимирское книгоиздательство», [1922]. 100 с.
- 29) Постановления особого Совещания по обсуждению вопросов программы всероссийского съезда законоучителей церковных и земских школ, бывшего в марте месяце сего 1914-го года // ВЕВ. 1914. № 18: о. о. С.123 – 124.
- 30) Предложение Его Высокопреосвященства Владимирской духовной консистории // ВЕВ. 1891. № 19: ч. о. С. 427 – 428.
- 31) Епархиальные известия // ВЕВ. 1899. № 2: часть официальная. С. 22 – 27.
- 32) Разрядные списки воспитанников Владимирской Духовной Семинарии, составленные Педагогическим собранием Правления после годичных испытаний за 1887 – 88 учебный год // ВЕВ. 1888. № 14: ч. о. С. 284 – 285.
- 33) Разрядные списки воспитанников Владимирской духовной семинарии, составленные педагогическим собранием Правления после годичных испытаний за 1888 – 1889 учебный год // ВЕВ. 1889, № 15: ч. о. С. 391 – 400.
- 34) Разрядные списки воспитанников Владимирской духовной семинарии, составленные Педагогическим собранием Правления после годичных испытаний за 1889 – 90 учебный год // ВЕВ. 1890. № 13: ч. о. С. 278 – 285.
- 35) Разрядные списки воспитанников Владимирской духовной семинарии, составленные педагогическим собранием Правления после годичных испытаний за 1890 – 91 учебный год // ВЕВ. 1891, № 14: ч. о. С. 310 – 315.
- 36) Разрядные списки воспитанников Владимирской духовной семинарии,

составленные педагогическим собранием Правления после годичных испытаний за 1891 – 92 учебный год // ВЕВ. 1892. № 13: часть официальная. С. 288 – 289.

- 37) Разрядный список воспитанников Владимирской духовной семинарии, составленный Педагогическим собранием Правления по окончании 1908 – 9 учебного года // ВЕВ. 1909. № 26: о. о. С. 182 – 189.
- 38) Разрядный список воспитанников Владимирской духовной семинарии, составленный Педагогическим собранием Правления по окончании 1909 – 10 учебного года // ВЕВ. 1910. № 27: о. о. С. 184 – 188.
- 39) Разрядный список воспитанников Владимирской духовной семинарии, составленный педагогич. собранием Правления по окончании 1910 – 11 учебного года // ВЕВ. 1911. № 26: о. о. С. 145 – 147.
- 40) Разрядный список воспитанников Владимирской духовной семинарии, составленный педагогическим собранием Правления по окончании 1911 – 12 учебного года // ВЕВ. 1912. № 25: о. о. С. 133 – 134.
- 41) Разрядные списки учеников Владимирского духовного училища, составленные Правлением училища после годичных испытаний, бывших в июне 1901 года и утверждённых Его Высокопреосвященством 19 того же июня // ВЕВ. 1901. № 13: ч. о. С. 215 – 221.
- 42) Разрядные списки учеников Владимирского духовного училища, составленные Правлением училища после годичных испытаний, бывших в мае – июне 1902 года и утверждённых Его Высокопреосвященством 19 июня того же года // ВЕВ. 1902. № 13: ч. о. С. 243 – 247.
- 43) Разрядные списки учеников Владимирского духовного училища, составленные Правлением училища после годичных испытаний, бывших в мае – июне 1903 года, и утверждённые Его Высокопреосвященством 19 июня того же года // // ВЕВ. 1903. № 13: ч.

о. С. 280 – 288.

- 44) Разрядные списки учеников Владимирского духовного училища, составленные Правлением училища после годичных испытаний, бывших в мае – июне 1904 года // ВЕВ. 1904. № 13: о. о. С. 299 – 301.
- 45) Разрядные списки учеников IV класса Владимирского духовного училища, составленные Правлением училища после годичных испытаний, бывших в апреле – мае 1905 года, и утверждённые Его Преосвященством // ВЕВ. 1905. № 11: о. о. С. 298 – 299.
- 46) Разрядный список учеников Муромского духовного училища, составленный Правлением училища после июньских испытаний за 1884 – 85 учебный год // ВЕВ. 1885. № 15: ч. о. С. 351 – 352.
- 47) Разрядный список учеников Муромского духовного училища, составленный Правлением училища после испытаний их за 1886 – 87 учебный год и утверждённый Его Высокопреосвященством 2-го июля 1887 года // ВЕВ. 1887. № 15: ч. о.
- 48) Расписание приходов и причтов Владимирской епархии, высочайше утверждённое 7-го апреля 1873 г. – Владимир, [б. г.]. 384 с.
- 49) Сведения о церковно-приходских школах за 1888 – 89 учебный год // ВЕВ. 1889. № 7: ч. о. С. 176 – 179.
- 50) Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. – 18 мая 1929 года. – № 35. Отдел первый. Ст. 353.
- 51) Список лиц духовного звания, кои Святейшим Синодом удостоены награждения за заслуги по духовному ведомству // ВЕВ. 1909. № 19: о. о. С. 137 – 138.
- 52) Список лицам духовного звания, кои Святейшим Синодом удостоены награждения за заслуги по духовному ведомству // ВЕВ. 1910. № 19: отдел официальный. С. 128 – 129.
- 53) Список пожертвований по письмам-переводам от причтов

- Владимирской епархии, полученных Комитетом по усилению флота до 15 февраля 1905 года // ВЕВ. 1905. № 19: отдел официальный. С. 426.
- 54) Список членов Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Муромского духовного училища // ВЕВ. 1884. № 20: ч. о. С. 491 – 496.
- 55) Список членов Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Муромского духовного училища // ВЕВ. 1885. № 21: ч. о. С. 644 – 655.
- 56) Список членов Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Муромского духовного училища // ВЕВ. 1887. № 2: ч. о. С. 56 – 59.
- 57) Список членов Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Муромского духовного училища // ВЕВ. 1889. № 2: ч. о. С. 40 – 48.
- 58) Список членов Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Муромского духовного училища // ВЕВ. 1890. № 1: ч. о. С. 14 – 18.
- 59) Церковно-приходские школы Владимирской епархии в 1888 – 89 учебном году // ВЕВ. 1890. № 9: ч. н. С. 281 – 298.

Литература

Святоотеческие творения

- 60) *Димитрий, митрополит Ростовский. Жития святых: декабрь – февраль. Репринтное издание. – Тутаев: Православное Братство святых князей Бориса и Глеба, 2001. 1024 с.*

Монографические исследования

- 61) *Аменицкий А. А., священник. Церковно-приходская летопись Успенской церкви села Мошка, Судогодского уезда // Владимирские епархиальные ведомости 1883. № 7: часть неофициальная. С. 203 – 208; № 11: часть неофициальная, С. 328 – 333; № 12: часть неофициальная. С. 362 – 371; № 13: часть неофициальная. С. 393 – 400; № 14: часть неофициальная. С. 432 – 438; № 16: часть неофициальная. С. 480 – 489; № 18: часть неофициальная, С. 529 – 536.*
- 62) *Батченко В. С. Крестьянское сопротивление государственной*

- антирелигиозной политике в 1929 – 1931 гг. (на материалах Западной области). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Смоленск, 2015. 259 с.
- 63) *Добронравов В. Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Выпуск 2: Переславский и Александровский уезды. – Владимир, 1895. 520, VI с.
- 64) *Добронравов В. Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Выпуск 5: Шуйский и Ковровский уезды. Вязниковский и Гороховецкий уезды. – Владимир, 1898. 505, VII с.
- 65) *Ершов А. Л.* Церковь на земле Владимирской в 1930-е годы. – Владимир: Калейдоскоп, 2011. 231 с.
- 66) *Кантов Д. В.* Житие священномученика Константина Вязниковского. – Владимир: издательский отдел Владимирского епархиального управления, 2006. 40 с.
- 67) *Кантов Д. В.* На святой Владимирской земле: статьи, очерки, публикации. – М., 2020. 264 с.
- 68) *Кантов Д. В.* Свято-Успенский храм села Мошок: исторический очерк. – Владимир: Транзит-ИКС, 2016. 216 с.
- 69) *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922 – 1953 гг.). – М.: Кучково поле, 2011. 720 с.
- 70) *Мальшева С. Ю.* «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. – М.: Новый хронограф, 2019. 458 с.
- 71) *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. 511 с.
- 72) *Степанов В. (Русак).* Свидетельство обвинения. В 3 т. Т. 1: Революция и первые годы советской власти. – М., 1993. 299 с.
- 73) *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии: Пер с англ. / Общ. ред. Б. А.

Успенского.– М.: Прогресс, 1989. 443 с.

- 74) *Цыпин В. А., протоиерей.* История Русской Православной Церкви. 1917-1990. – М.: Изд. Дом «Хроника», 1994. 251 с.

Статьи

- 75) *Аменицкий А. А., священник.* Открытие двухклассного образцового училища, Судогодского уезда, в селе Мошок // Владимирские епархиальные ведомости. 1881 № 13: часть неофициальная. С 372 – 380.
- 76) *Б<елоцветов Леонид, свящ.>* Поездка по обозрению церквей сёл Меленковского и Судогодского уездов Преосвященного Евгения, Епископа Муромского, в мае месяце сего 1911 года // ВЕВ. 1911. № 29: отдел неофициальный. С. 626 – 632.
- 77) *Грамматин М. В.* Муромское духовное училище за 75-летний период своего существования (1816 – 1891 гг.) // Владимирские епархиальные ведомости. 1892. № 20: часть неофициальная. С. 518 – 519.
- 78) *Дейли Джонатан.* Штурм последней крепости: большевистская атака на Церковь в 1922 году // Учёные записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Выпуск 6. – М., 2000. С. 73 – 92.
- 79) *Ершов А. Л.* О закрытии храма в селе Мошок Судогодского района // Дивен Бог во святых Своих. Альманах третий. – Владимир, 2013. С. 49 – 55.
- 80) *Личак Н. А.* К истории изъятия церковных ценностей во Владимире // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып 6 (67). – М., 2015. С. 78 – 84.
- 81) *Малиновский И.* Материалы для истории Владимирского духовного училища // Владимирские епархиальные ведомости. 1899: часть неофициальная. С. 646 – 648.
- 82) *Никитин И. В.* Изъятие церковных ценностей в Оренбургской губернии в 1922 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного

Университета. Серия II: «История. История Православной Церкви». Вып. 1 (34). – М., 2010. С. 36 – 40.

- 83) *Покровский Н. Н.* Документы Политбюро и Лубянки о борьбе с Церковью в 1922-1923 гг. // Учёные записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Выпуск 1. М., 1995. С. 125 – 174.
- 84) *Русина Ю. А.* «Нет права голоса – нет доверия»: почему лишены ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7. В 2 ч. Ч. 1. – Екатеринбург, 2009. С. 192 – 200.
- 85) *Сафонов Д. В.* Митрополит Сергей (Страгородский) и советская власть в 1921—1926 гг. // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: в 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 273 – 281.
- 86) *Сергий (Страгородский), митрополит.* Воззвание по поводу изъятия церковных ценностей / Публ. О. В. Косик // Богословский сборник. Вып. 9. – М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 293 – 296.
- 87) *Тарасов Георгий, священник, Тарасова С. А.* Изъять «голос Церкви», или Борьба с колокольным звоном на Тамбовщине // Христианское чтение. № 5, 2015. С. 238 – 248.

Сборники

- 88) Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917 – 1943 Сборник в 2 ч. / Сост. М. Е. Губонин. – М., 1994. 1063 с.
- 89) Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Репринт 1909 г.– М: Новости, 1990. 211 с.
- 90) За Христа пострадавшие в земле Владимирской: Синодик и биографический справочник. Александров: Свято-Успенский

епархиальный женский монастырь. – 2000. 80 с.

- 91) Ковровский исторический сборник. Вып. 2. / Авт.-сост. Фролов Н. В., Фролова Э. В.– Ковров: ООО НПО «Маштекс», 2001. 96 с.
- 92) Конфессиональная политика советского государства. 1917—1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1: в 4 кн.: 1917 – 1924 гг. Кн. 4: Религиозные объединения, духовенство и верующие, общественные организации и граждане о вероисповедной политике советского государства и религиозной ситуации в стране. — М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 304 – 305.
- 93) На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. / Сб. ст. Сост. П.В.Алексеев. – М.: Политиздат, 1990. 527 с.
- 94) Новомученики и исповедники Ярославской епархии. Ч. 3. / Под ред. прот. Н. Лихоманова. – Романов-Борисоглебск (Тутаев), 2000. С. 79 – 81.
- 95) Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. 1016 с.

Электронные ресурсы

Ресурсы удалённого доступа

- 96) Аменицкий Василий Алексеевич // База данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века» [Электронный ресурс] URL: http://kuz3/pstbi/ru/bin/nkws/exe/no_dbpath/docum/an (Дата обращения 09.03.2021).
- 97) Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. Книга 1. 1922–1925 гг. / Азбука веры [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/arhivy-kremlja-politbyuro-i-tserkov-kniga-1-1922-1925-gg/1_13 (Дата обращения 09.03.2021).
- 98) *Белицына Н. В.* Успенский храм села Мошок / Храм Успения Божией

- Матери в селе Мошок. История / Православие на земле Судогодской [Электронный ресурс] URL: http://www.sudogda.ru/real/real_013.htm (Дата обращения 09.03.2021).
- 99) Берстнев Василий Иванович, священник / За Христа пострадавшие. Репрессированные в годы Советской власти / Православие на земле Судогодской [Электронный ресурс] URL: http://www.sudogda.ru/posrada/xrist_05.htm (Дата обращения 11.03.2021).
- 100) Бобков Алексей / Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс] URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/ans/nm/?TYZCF2JMTdG6Xbu-fe4efe6UU8iZei4ZeE* (Дата обращения 09.03.2021).
- 101) *Быстренко В. И.* Батрачество Сибири в 20-е годы XX века / disserCat [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/batrachestvo-sibiri-v-20-e-gody-xx-veka> (Дата обращения 16.03.2021).
- 102) Герасимов Александр Васильевич / Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс] URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/ans/nm/?TYZCF2JMTdG6Xbu1dS0UsOWgfe6UU8iZei4UfOHU668UsOWfv8KWeCQ* (Дата обращения 09.03.2021).
- 103) Герасимов Филипп Никифорович / Книги памяти / Боль и память. Том 2 / Бессмертный барак [Электронный ресурс] URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/236664/> (Дата обращения 09.03.2021).
- 104) Герасимов Филипп Никифорович, псаломщик / За Христа пострадавшие. Репрессированные в годы Советской власти /

- Православие на земле Судогодской [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudogda.ru/xristos.htm> (Дата обращения 11.03. 2021).
- 105) *Ершов А. Л.* Взаимоотношения Русской православной церкви и светских властей в 1929 – 1941 гг. Автореферат диссертации. Владимир, 2012. URL: <http://cheloveknauka.com/vzaimootnosheniya-russkoy-pravoslavnoytserkvi-i-svetских-vlastey-v-1929-1941-gg> (Дата обращения 09.03.2021).
- 106) *Ершов А. Л.* Роль Комиссии по делам культов при Президиуме ВЦИК в урегулировании взаимоотношений духовенства Владимирщины и местных властей в 1930 – 1932 гг. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vladkan.ru/articles/03120101a/html> (Дата обращения 09.03.2021).
- 107) За Христа пострадавшие. Репрессированные в годы Советской власти / Православие на земле Судогодской [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudogda.ru/xristos.htm> (Дата обращения 09.03.2021).
- 108) Императорский орден святой Анны / Ордена, медали и нагрудные знаки Российской империи, СССР и Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http://cris9.auers.ru/rossimperia_anna.htm (Дата обращения 09.03.2021).
- 109) Инструкция ЦК Помгола ВЦИК и НКЮ о порядке изъятия церковных ценностей. 28 февраля 1922 г. / Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс] URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/36850#mode/inspect/page/3/zoom/4> (Дата обращения 09.03.2021).
- 110) *Калюжная О. В.* Антирелигиозная политика в 1918 – 1925 гг. во Владимирской губернии (по материалам периодической печати). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владимир, 2018. URL: <https://diss.unn.ru/files/2018/824/autoref-824.pdf> (Дата обращения 09.03.2021).

09.03.2021).

- 111) Комиссия по канонизации святых. Владимирская епархия [Электронный ресурс] URL: <http://www.vladkan.ru/personal/0203090001.html> (Дата обращения 09.03.2021).
- 112) *Кутергина Ю. В.* Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 1918 – 1925 гг. во Владимирской губернии. Автореферат диссертации. Иваново, 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/politika-sovetskogo-gosudarstva-po-otnosheniyu-k-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-v-1918-1925-ggvo-vladimirskoy-gubernii> (Дата обращения 09.03.2021).
- 113) *Никитин Д. Н.* Изъятие церковных ценностей // Православная Энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <https://www.pravenc.ru/text/293919.html> (Дата обращения 09.03.2021).
- 114) *Никодим (Милош), епископ.* Правила Святой Православной Церкви с толкованиями / Православная электронная библиотека Одинцовского благочиния [Электронный ресурс] URL: http://www.odinblago.ru/kanonika/nikodim_pravila_cerkvi/ (Дата обращения 09.03.2021).
- 115) Подвиг веры. Новомученики и исповедники Александровской епархии [Электронный ресурс] URL: <http://podvigvery.ru/kniga-pamyati/arkadij-nevskij/> (Дата обращения 18.03.2021).
- 116) Различные выписки, содержащие информацию об уроженцах и жителях с. Мошок / Народный архив Российской Империи [Электронный ресурс] URL: <https://mmdri.forum2x2.ru/t3423-topic> (Дата обращения 17.03.2021)
- 117) *Савватий (Перепелкин), игумен.* Гонения на Церковь в Ивановской области в 20-40-е годы XX века / Былое. История и современность [Электронный ресурс] URL: <http://history.pravorg.ru/2015/01/20/igumen->

savvatij-perepelkin-goneniya-na-cerkov-v-ivanovskoj-oblasti-v-20-40-e-gody-xx-veka/2/ (Дата обращения 25.03.2021).

- 118) Село Мошок / Любовь безусловная [Электронный ресурс] URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/sudogda/m/56-1-0-1619> (Дата обращения 09.03.2021).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Официальное письмо административного отдела Владимирского губисполкома в Президиум губернского исполнительного комитета

Ноября 21 дня 1924 г.

№ 56/сс

В ПРЕЗИДИУМ ГИК

Представляя при сем окончательное решение ГИК и переписку на 10-ти листах по делу предоставления избирательных прав гр[аждани]ну села Мошок Судогодского уезда БАРАШКОВУ Алексею Васильевичу (быв[шему] священнику) избирательных прав, Губернский Административный Отдел по рассмотрении данного вопроса со своей стороны полагал бы быв[шему] священнику БАРАШКОВУ в ходатайстве избирательных прав ОТКАЗАТЬ, по следующим причинам:

1. Из рассмотренного материала видно, что гр[аждани]н БАРАШКОВ хотя и происходит из крестьянской семьи, окончив Учительскую Семинарию и работая продолжительное время школьным работником, но тем не менее сознательно поступил служителем культа, оставив дело народного просвещения.

2. В должности священника гр[ажданин] БАРАШКОВ пробыл с 1916 года по 15-ое января 1924 года, т[о] е[сть] почти восемь лет сознательной службы по религиозному культу.

3. Хотя Судогодский УИК, Мошенская ячейка РКП(б), а также ГПУ дают заключение в сторону предоставления гр[аждани]ну БАРАШКОВУ избирательных прав, но так как мнение Губернского Административного Отдела подателю ходатайства ОТКАЗАТЬ, так как предоставление

избирательных прав гр[аждани]ну БАРАШКОВУ является преждевременным, как лицу не проявившему никаких заслуг перед Советской властью, кроме вреда, в продолжение 8-ми лет.

Начальник Административного Отдела ГИК

Начальник милиции губернии

Подпись

Начальник административного подотдела ГИК

Подпись

ГАВО. Ф. Р-24. Оп.6. Д. 7. Л. 2293 – 2293 об.

Подлинник. Машинопись. В правом верхнем углу помета синими чернилами: «Сов[ершенно] секретно». В левом верхнем углу – штамп административного отдела Владимирского губисполкома с вписанными синими чернилами датой и исходящим номером. Ниже написанная чёрными чернилами резолюция рукой секретаря губисполкома А. Куварина: «Вх. 530 21/XI – 24 г. Согласиться с заключением Адм[инистративного] Отдела. Председатель ГИК *Д. Савостин* Секретарь А. Куварин. 21/XI». Подпись Д. Савостина – автограф синими чернилами.

Приложение Б
Выписка из протокола заседания
Президиума Владимирского губернского исполнительного комитета

Губернскому Административному Отделу
с препр[овождением] мат[ериалов] на 10 листах

Выписка из протокола № 109
заседания Президиума Владимирского Губисполкома
от 2 декабря 1924 г.

СЛУШАЛИ:

Представление Губ[ернского]
Административного Отдела от 21 / XI
за № 55/СС материала на 10 листах
по заявлению гр[ажданина] с[ела]
Мошок Судогодского уезда
БАРАШКОВА А. В. (быв[шего]
священника) о восстановлении его в
гражданских избирательных правах.

Секретарь ГИК _____

Управделами ГИК *Подпись*

Декабря «4» дня 1924 г.

№ 8143

ПОСТАНОВИЛИ:

Согласно с заключением
Губ[ернского] Административного
Отдела в восстановлении в
гражданских избирательных правах –
гр[ажданина] БАРАШКОВА А. В. –
ОТКАЗАТЬ.

(Куварин)

(Сткольский)

ГАВО. Ф. Р-24. Оп.6. Д. 7. Л. 2292.

Подлинник. Машинопись. Приписка «С препр. мат. на 10 листах», прочерк вместо подписи секретаря ГИК, подпись управделами – автограф красными чернилами, дата и номер протокола – автограф простым карандашом.

Приложение В

С[ело] Мошок. Церковь Успения

Отчёт о проведённых работах по консервации памятника (1977 – 1986)

	МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ОБЛИСПОЛКОМА
	ВЛАДИМИРСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ
СдР-16	с. МОШОК
	ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ
ИНВ. № 17255	ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕННЫХ РАБОТАХ ПО КОНСЕРВАЦИИ ПАМЯТНИКА
1986 ГОД	ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА ГРАФИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА РСФСР (индекс)
 Адрес: Владимирская обл., Судогодский район, с. Мошор.
 (АССР, край, область; район, автономная обл.; национальный округ, населенный пункт)

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА Церковь Успенская.

I. НАИМЕНОВАНИЕ ПАМЯТНИКА
 II. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

памятник археологии	памятник истории	памятник архитектуры	памятник монумент. ис-ва
		4	

III. ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКА

1802-15 гг.

IV. ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

по перво-начальному назначению	культурно-просветительное	туристско-экскурсионное	лечебно-оздоровительные	жилые помещения	хозяйственное	не используется
						+

предлож. по исполъз.

V. ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ

хорошее	среднее	плохое	аварийное
		+	

VI. КАТЕГОРИЯ ОХРАНЫ

союзная	республ.	местная	не состоит

наличие утвержденной охранной зоны

да	нет

VII. НАЛИЧИЕ ДОКУМЕНТАЦИИ

паспорт	фотографии	обмеры	реставрационные материалы
+	+	+	

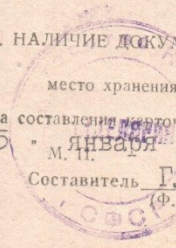
место хранения документов

органы охраны			реставрацион. мастерские	музей, архив НИИ
союзный	республикан.	местный	республикан.	местные
		+	+	+

Дата составления карточки
 15 января 1978 г.

Составитель Гладкая М.С.-н/сотр.
 (Ф. И. О., должн. или проф. подп.)

Инспектор по охране памятников Смирнова Г.Н.
 (Ф. И. О., подпись)

Смирнова

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА (оборотная сторона)

Фото или художественный рисунок

Краткое описание

Церковь стоит в середине села на площади, у автотрассы "Владимир-Муром", проходящей через главную улицу села. Постройка крупномасштабная. Имеет храм, трапезную, колокольню. Господствует завывающий основной объем в общей композиции, конструкция которого "восьмерик на четверике" под сомкнутым восьмилопастковым сводом со световым барабаном. Объем таким образом четырехсветный, высокий, просторный. Апсида пятигранная. Свод-конха с распалубками над окнами и тремя лотками. Трапезная двухстолпная, трехнефная, обширная. Каждый из нефов перекрыт коробовым сводом с лотками на запад и распалубками от арок. Колокольня трехъярусная. Завершена вазой. Каждый из ярусов четырехгранный. Все равны по высоте. Памятник культового зодчества рубежа XVIII-XIX вв. с чертами переходной архитектуры от барокко к классицизму.

Зак. 2651

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР
(недвижимые)СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА РСФСРМинистерство Культуры. Государственная инспекция по охране памятников
(наименование республиканского органа охраны памятников) истории и культуры.

ПАСПОРТ

I. НАИМЕНОВАНИЕ ПАМЯТНИКА Церковь Успенская.II. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

памятник археологии	памятник истории	памятник архитектуры	памятник монумент иск-ва
		4	

III. ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКА (или дата исторического события, с которым связано возникновение памятника—для памятников истории)

1802-15 гг.IV. АДРЕС (местонахождение) ПАМЯТНИКА Владимирская обл., Судогодский р-н,
(АССР, край, область, район, автономная обл.,с. Мошок. Автобус "Владимир-Муром".

национальный округ, населенный пункт, пути подъезда)

V. ХАРАКТЕР
СОВРЕМЕННОГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

по первонач. назначению	культурно-просветит.	туристско-экскурсион.	лечебно-оздоровительн.	жилые помещения	хозяйственное	не используется
музей обл. клуб			больн. санит. д/огд.		учреждение торгов. промышл. склад	+

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Фото общего вида — 4
 Фото фрагментов — 3
 Генплан — 1
 Обмеры: план — 1
 фасад —
 разрез —
 Схематический план
 охранной зоны —

VI. ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

а)	для памятников археологии для памятников истории для памятников архитектуры и монументального искусства	— история возникновения, кем и когда производились разведки и раскопки, место хранения коллекций. — история возникновения: краткая характеристика событий и лиц, в связи с которыми объект приобрел значение памятника. — автор, строитель, заказчик, история создания.

Село Мошок Название свое ... получило от болотистой мшистой почвы, на которой оно расположено.

В XIII-XVII вв. село Мошок было центром большой вотчины князей Воронских.

По писцовым книгам 1627-30 гг. в нем значились: "... старая церковь Успения Преч. Богородицы... ветха, другая церковь новая Успения Преч. Богородицы с приделами Николая Чудотворца, князя Михаила Черниговского и боярина его Федора и Алексея Человека Божия да вверху приделы св. в. муч. Екатерины, Сергия Радонежского, Дмитрия Солунского и св. Иоанна Предтечи.

Кроме этого в Мошке была и приходская церковь во имя Иоанна Богослова.

"Упомянутые выше церкви Успенская и богословская, по преданию сгорели и вместо них построены были новые деревянные же ...". Затем вместо них в 1802-15 гг. построен новый каменный Успенский храм. Престолов в храме три: главный во имя Успения Пресв. Богородицы, в трапезе теплой в честь Казанской иконы Божией Матери и св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова".

- б) перестройки и утраты, изменившие первоначальный облик памятника.

Здание запущено. Утрачены оконные и дверные заполнения и кровля над трапезной, в связи с чем в плохом состоянии свод над ней. Утрачена ограда церкви. Сохраняются лишь западные ворота ограды. Полностью нарушен интерьер церкви, в связи с бывшей в ней до 1973 г. МТС.

- в) реставрационные работы (общая характеристика, время, автор, место хранения документации).

Реставрационных работ не производилось. В 1978-79 гг. предполагается провести консервационные работы.

VI. ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

	для памятников археологии	— характер культурного слоя, важнейшие находки.
	для памятников истории	— характеристика памятника, наличие, текст и время установления мемориальной доски.
a)	для памятников архитектуры	— основные особенности планировочной композиционно-пространственной структуры и конструкций; характер декора фасадов и интерьеров; наличие живописи, скульптуры, прикладного искусства; строительный материал, основные габариты.
	для памятников монумент. иск-ва	— основные особенности композиционного и колористического решения; тексты, материал, техника, размер.

Церковь стоит в середине села на площади у поворота автотрассы "Владимир-Муром", проходящей через село по главной его улице. Церковь к автотрассе повернута восточным фасадом. С южной стороны от неё устроен парк, с западной и северной — свободное пространство. С северной стороны от церкви на площади поставлены магазины и водопроводная башня. Рельеф местности спокойный.

Церковь сложена из кирпича размером 270х130х65мм на известковом растворе. Это крупномасштабная постройка, сильно вытянутая по продольной оси и состоящая из основного объема, трапезной и колокольни. В общей композиции по высоте и массе господствует основной объем, по ширине — трапезная. Каждый из объемов имеет свою форму и размер. Планировочное решение традиционно: апсида, храм, трапезная, колокольня, расположенные друг за другом по продольной оси "восток-запад". План симметричный. В плане церкви каждый объем также, как в пространственной структуре, четко обособлен иными размерами и формой. Это пятигранник апсиды, квадрат храма, прямоугольник трапезной, квадрат колокольни меньшего размера.

Конструктивное решение объемов следующее. Одночастная невысокая граненая апсида перекрыта конхой с тремя лотками от трех граней и распалубками над окнами этих же граней. Окна устроены в каждой из граней. Помещение просторное, но невысокое.

Форма кровли соответствует форме свода. Лучковой формы проем окна заключен в откос такой же формы, но подвышенный и продолжающийся до пола. Апсида с основным объемом соединяется тремя проемами (средний арочный, боковые лучковые).

Основной объем имеет конструкцию "восьмерик на четверике". Перекрыт восьмилотковым сомкнутым сводом со световым барабаном, завершенным луковичной главкой на шейке. Кубической формы четверик имеет два света, третий ярус света устроен в восьмерике и четвертый в барабане. Помещение необычно вытянуто вверх, пространственное, светлое. Окна четверика имеют ту же форму, что и алтарные. Окна второго света обрамлены глубокими откосами с активными скосами вниз. Окна восьмерика арочные. Устроены в каждой из восьми его граней.

Кровля основного объема повторяет форму сомкнутого восьмилоткового свода. Переход от четверика к восьмерику сделан за счет одинарных тромпов. На своде и западной стене сохраняется живопись.

Трапезная обширная, двухстолпная, трехнефная, низкая, растянута в ширину. Внешне одной высоты с апсидой и почти в половину ниже четверика основного объема. Кровля её не сохранилась. Каждый из трех нефов трапезной перекрыт коробовым сводом с лотками на запад и распалубками от арок, переброшенных между столбами в продольном направлении.

Общая оценка общественной, научно-исторической и художественной значимости памятника.

Одноглавая бесстолпная трапезная церковь типа "восьмерик на четверике", созданная на рубеже XVIII-XIX столетий с чертами переходной от барокко к классицизму.

Архитектура

VII. ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ. ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ.

1. В. Добронравов. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 4 Владимир, 1897г. стр. 574-478.
2. Фотографии 1977г. Архив ВСЭНРПМ.
3. Обмер 1977г.

В восточной части боковых нефов отведено место для алтарей. Столбы крестчатые. Окна такой же формы, что и в алтаре.

Колокольня трехъярусная, четко граненая, высокая и стройная. Все яруса одной высоты. Два нижних одинаковы и по ширине. Третий несколько уменьшен. Покрытие — полусфера, на которой установлена ваза с крестом. Верхний ярус обложен железом. Первый ярус составляют четыре мощных столба, между которыми устроен полусферический свод и арочные пролеты. Завершен ярус треугольными фронтонами. Пролеты звона тоже арочные. Во втором ярусе окна лучковой формы.

Полы во всех помещениях нарушены. Стены изнутри сохраняют штукатурное основание под живопись, внешне побелены по цементной обмозке. Во всех окнах, кроме окон восьмерика, сохраняются кованые решетки (крестообразный орнамент). Дверные запоры не сохранились. Фундамент здания — дикий камень на известковом растворе. Кровли железные. Барабан обложен железом.

Декор церкви строгий, сухой, линейно-геометрический. Лучковые окна на фасадах отмечены прямоугольными заглубленными нишами. Наличники над окнами апсиды — полочка тройного профиля. По форме окон второго света — ленточное кирпичное обрамление. Арочные окна восьмерика утоплены в прямоугольное обрамление.

Владимирская епархия
Сурогодский р-он
с. Мешок
Ц-во Успенская, 1802-15гг.
Вид с севера

Рисо М. Шапки, 1974г

Владимирская епархия,
Судоговский р-н
с. Мошк
У-ль Успенская 1802-15 г
Вид с северо-запада

фото М. Падкая, 1947 г

Вознесенская стн,
Судорожский ф.ас
с. Мохов
Цкб Женская
1800-1852
Крестово-лесная.

Род. М. Вогнон? 1947

Возвращаясь к
Сырогачеву по
к. Мещеря
У. В. Сырогачев
1800-1870
Буд. к. м. г. г. г. г.

Павел Н. Сырогачев 1922

Вознесенская об.,
Егорьевский уез.
с. Монино
Убо. Генерал
1802-182
Вид с юго-востока

Рубен М. Шагин 1944

Богородицкая ед.,
Сырогославский пр.
с. Иваново
15 кв. Жуковск.
1802/152
Одно из лучших зданий
в городе г. Казань.

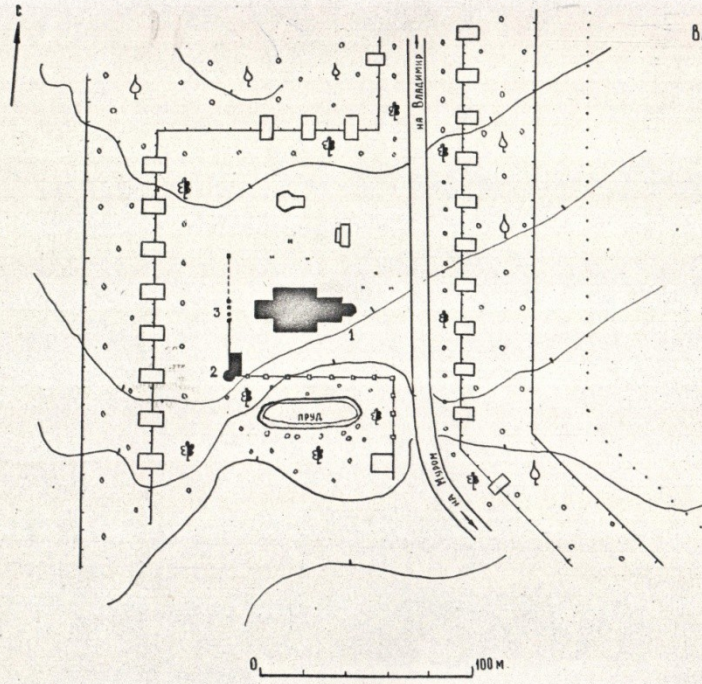
Порт. И. Богородица 1944

Врагу мурена отъ,
Сурогенный ф. ор.
и Намор
36 Юлианс
180-152
Сурогенный и юлианс
и и а.

Росс. И. Загудин 1884

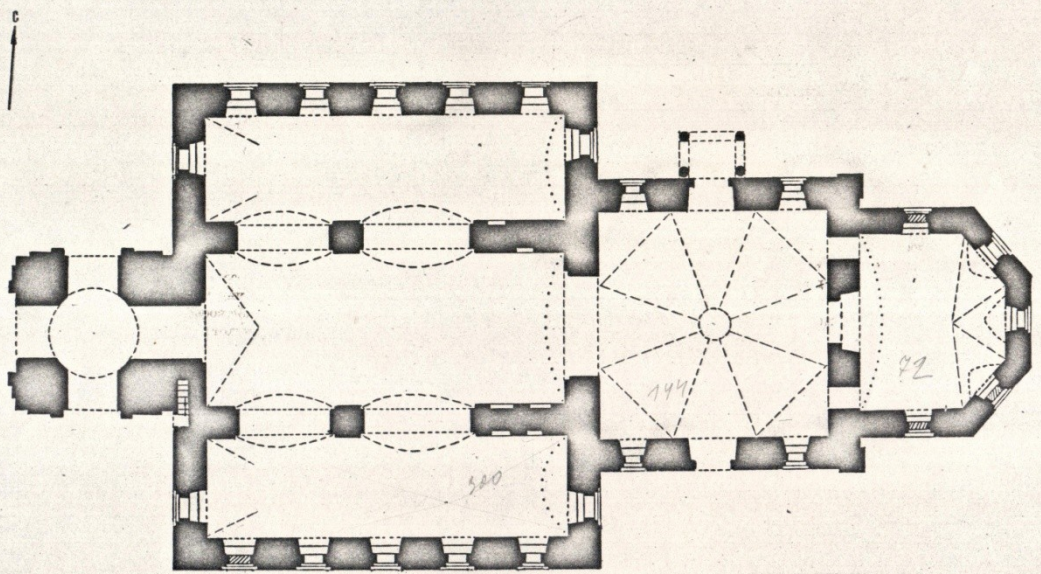
с. Мошони
Владимирская обл. Судогодский р-он
д. УСПЕНСКАЯ
1802-15 гг. ГЕНПЛАН

ЭКСПЛИКАЦИЯ
1. ЦЕРКОВЬ УСПЕНСКАЯ. 1802-15 гг.
2. СТОРОЖКА. 1802-15 гг.
3. ВОРОТА ОТРАДЫ 1802-15 г.

Р.
ОБМЕР : Гладкий М.
ЧЕРТИЛ : Дябинок М.
1977 г.

с. Мошюк
Владимирская обл. Судогодский р-он
Церковь Успенская
1802-15 гг.

0 10 м

4
1

Обмер : Бойковой Г.
Чертл : Гладкой М.
1977 г. Рядиной М.

Министерство культуры РСФСР
Управление культуры Владоблсполкома

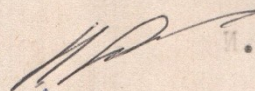
Владимирское специальное экспериментальное научно-реставра-
ционное производственное управление "Владимирреставрация"

с. Мошок
церковь Успения

О Т Ч Е Т

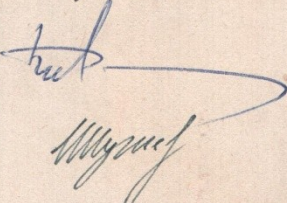
О проведенных работах по консервации
памятника.

Гл. архитектор управления
"Владимирреставрация":

И.А. Столетов

1. Нач. проектно-исследовательских
мастерских управления:

Начальник мастерских:

Л.И. Яковлева

г. Владимир
1986г.

Состав проекта:

I. Текстовая часть.

1. Историческая записка.
2. Характеристика принятых решений по консервации здания.
3. Характеристика проводимых работ.
4. Фотографии.

II. Графическая часть:

М-1	- Планы средней части церкви I этажа.
Чердачное перекрытие.
КО-1	- План стропильной системы.
КО-2	- Конструкция стропильной системы. Узлы.
КО-3	- План кровли. Конструкция стропильной системы.
Виды.
КО-4	- Слуховое окно. Спецификация на листы I-4.
КО-5	- Апсида. Стropильная система. Спецификация.
КО-6	- Апсида. Узлы стропильной системы.

Историческая записка

Деревянные церкви в с. Мошок сгорели и вместо них в 1802-1815 гг. был построен новый каменный Успенский храм.

Церковь стоит в середине села на площади, у автодороги "Владимир-Муром", проходящей через главную улицу села. Постройка крупномасштабная. Имеет храм, трапезную, колокольню. Господствует завышенный основной объем в общей композиции, конструкция которого - восьмерик на четверике под сомкнутым восьмилотковым сводом с световым барабаном. Объем, таким образом, четырехсветный, высокий, просторный. Апсида пятигранная. Свод-конха с распалубками над окнами и тремя лотками. Трапезная двухстолпная, трехнефная, обширная. Каждый из нефов перекрыт коробовым сводом с лотками на запад и распалубками от арок.

Колокольня трехъярусная. Завершена вазой. Каждый из ярусов четырехгранный. Все равны по высоте.

Памятник культового зодчества рубежа XVIII-XIX вв. с чертами переходной архитектуры от барокко к классицизму.

Церковь сложена из кирпича 270x130x65 на известковом растворе. Форма кровли соответствует форме свода. Лучковой формы проемы заключены в откос такой же формы. Апсида с основным объемом соединяется тремя проемами.

Трапезная обширная, двухстолпная, трехнефная, низкая, растянутая.

Характеристика принятых решений
при консервации здания

При проектировании были использованы обмерные чертежи, составленные В.Голубовым и С.Артамоновым в 1984г.; паспорт памятника, составленный М.Гладкой в 1978г. и труды В.Добролюбова: "Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии", вып.4, Владимир, 1897г., стр.476-574.

К моменту начала консервации здание находилось в запущенном состоянии: утрачены оконные и дверные заполнения, стропила над трапезной, ограда. Частично сохранились западные ворота. Повсеместно нарушена кровля. Полностью утрачены интерьеры в связи с нахождением в нем МТС до 1973г.

По церкви Успенья-Богородицы приняты следующие решения:

Покрытие главы над основным объемом металлическое. Необходимо полностью заменить. В деревянных кружалах сделать незначительную вычинку. Подзор, в связи с тем, что не имеет утрат, не заменять.

В цилиндрической поверхности ниже главы, диаметром 2,1м, оббитой железом, сделать небольшие вычинки.

В следующей ниже конусной части /высота 0,53м/, покрытой железом, необходимо сделать вычинку металлических карнизов и заменить сливы.

В следующей ниже поверхности многогранника, покрытой металлическим железом, сделать небольшие вычинки.

В ниже расположенной сферической поверхности имеются отдельные отверстия, которые необходимо заделать. Сливы и карнизы заменить. /То же необходимо сделать по всей церкви/.

Вертикальные поверхности стен, закрытые железом, окрасить в черный цвет, поверхности кровли окрасить в зеленый цвет. По карнизам, по стенам имеются выкрошенные части стен в связи с неудовлетворительным состоянием кирпича. Поверхности стен и карнизов восстановить.

Восстановить заложённые и переделанные дверные и оконные проемы по первому этажу и арочные проемы колокольни.

Восстановить все металлические решетки I-го и II-го этажа. Проемы всех этажей закрыть изнутри деревянными щитами ^{из} шпунтованных досок. Дверные проемы заложить кирпичной кладкой толщиной в I кирпич. Из трех сохранившихся колонн у северного фасада две колонны, прилегающие к стене, восстановить. Третью, отдельно стоящую, разобрать. Деревянное перекрытие в основном объеме прогнулось и провисло, разобрать. Весь мусор изнутри убрать, полы засыпать песком Н=10 см.

Во входных воротах ограды напротив колокольни укрепить цокольную часть и закрепить отдельные выветрившиеся кирпичи для предотвращения обрушения.

Территорию вокруг здания выровнять и сделать отмостку.

Изменения, внесенные в первоначальный проект:

- I. Вместо восстановления решеток в окнах I и II-го этажей по всему зданию проведена закладка проемов кирпичной кладкой. При консервации здания это вполне допустимо для ускорения сроков окончания работ.

2. Наверху колокольни в период консервации здания была обнаружена обшитая железом ротонда, которую восстановили.
3. Крест над основным объемом первоначально было решение крепить растяжками. После обследования гнезда для его посадки принято решение от растяжек отказаться.

Характеристика проведенных работ

Перед началом работ по консервации памятника было принято решение о способах и методах консервации.

Были намечены первоочередные работы. Необходимо отметить, что снаружи кирпич, из которого сделана глава над основным объемом, над колокольней и в некоторых других местах, осыпался, растрескался, поэтому еще до консервации местами был обит железом.

Железо, которым был обит верх колокольни, было снято, выветрившийся кирпич удален, поверхность стен восстановлена новым кирпичом и произведена затирка. В результате наверху колокольни раскрылась ротонда из шести колонн. Ниже площадки звона имелся зеленый пояс, на кирпичной кладке произрастала плесень. В процессе работы она была частично удалена, частично обработана медным купоросом.

Были восстановлены недостающие козырьки и таким образом устранена возможность постоянного замачивания.

Нижние проемы колокольни были защищены с боков досками и подтоварником, а с западной стороны поставлены ворота. Боковые проемы были освобождены от досок, наружная дверь перенесена внутрь и поставлена у края входа в трапезную. Выполнена заново. Совершенно отсутствовали стропильные системы над трапезной и апсидой. Они были полностью запроектированы и восстановлены. В обоих случаях были применены безраспорные системы. Над трапезной она состояла из стропил, подкосов, стоек и мауэрлатов. Над апсидой были смонтированы фермы с опиранием на них раскосов. Своды имели местные разрушения диаметром до 1м. Было принято решение по их восстановлению.

Все оконные проемы были заложены в 1/2 кирпича. Дверные проемы были заложены кирпичной кладкой в 1 кирпич. Из 3-х сохранившихся колонн у северного фасада две колонны, прилегающие к стене, восстановлены. Третья отдельно стоящая колонна была разобрана. Прогнувшееся междуэтажное перекрытие в основном объеме разобрано, мусор вынесен и поля засыпаны песком Н=10см. Деревянный крест над основным объемом обит оцинкованным железом, сквачен металлической обшивкой и замоноличен.

Во входных воротах ограды напротив колокольни цокольную часть укрепили и восстановили отдельно выветрившиеся кирпичи для предотвращения обрушения.

Сведения о стоимости
выполненных работ

Вначале производства работ было отпущено бюджетных средств 46,86 тыс.руб.

В процессе строительства управлением культуры было отпущено еще 32,63 тыс.руб.

Фактически по завершению всех работ было израсходовано 114,5 тыс.руб.

А К Т

с. Мошок
Судогодского р-на

2 октября 1985г.

Комиссия в составе: ст. архитектора управления культуры т. Лебедевой О.В., нач. ПТО Шеметова С.И., прораба Сальникова В.Н., архитектора Яковлевой Л.И., председателя сельсовета Смелевой В.Т., районного архитектора Игло О.С. постановила, что работы выполнены в соответствии с утвержденной проектно-сметной документацией.

Работы проводились при научно-техническом руководстве архитектора Яковлевой Л.И. и производителя работ т. Сальникова В.Н. и заключались в следующем: устройство кровли, ремонт штукатурки, заделка проемов, раскрытие проемов колокольни, покраска кровли, побелка фасадов, устройство отмостки, планировка территории, химобработка и огнезащита деревянных конструкций, устройство лесов, реставрация кирпичной кладки стен и архитектурных деталей.

Общая сумма затрат на указанные работы составила 121,2 тыс. руб.

Комиссия решила:

- работы по реставрации, реконструкции, ремонту, благоустройству охранной зоны, консервации, выполненные ЗСЭНИИМ с 1979г. по 1985г. считать принятыми с общей оценкой - ХОРОШО.

II.

Замечания комиссии:

- I. Побелка карниза колокольни.
2. Установить входную дверь в колокольню /зип. к 14 октября/.

Председатель комиссии: п/п

Члены комиссии: п/п

инв. N 44267

Южный фасад до консервации
памятника

инв. N 42274

Юго-западный

ФАСАД ДО КОНСЕРВАЦИИ ПАМЯТНИКА

инв. N 44276

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЗАПАДНОЙ
ОГРАДЫ ДО КОНСЕРВАЦИИ.

ИЗВ. N 42264

ФРАГМЕНТ

СЕВЕРНОГО ОКНА.

кв. № 65248

Юго-

ВОСТОЧНЫЙ

ФАСАД

инв. № 65231 Северо-восточный фасад

инв. N 65247

ФРАГМЕНТ КОЛОКОЛЬНИ

ИНВ. N 65230

ФРАГМЕНТ

СЕВЕРНОГО ФАСАДА КОЛОКОЛЬНИ.